
АНА КОХ
Кровь и молоко
УКУС ВО СПАСЕНИЕ

Ана Кох

Кровь и молоко. Укус во спасение

«Литнет»
2025

Кох А.

Кровь и молоко. Укус во спасение / А. Кох — «Литнет», 2025

Иногда спасение худшее из проклятий.Мать, которая никогда не держала дочь на руках.Древнее создание, нарушившее все правила, чтобы их спасти.Их дочь — живое доказательство преступления против древнего Кодекса.Их дом — убежище, где пахнет молоком, кровью и надеждой.Чтобы защитить своё хрупкое счастье, им придётся обмануть законы охотников и природы. Смогут ли они стать семьёй в мире, где у одиночек больше шансов на выживание?

© Кох А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Запах времени и крови 5
Глава 2. Страх не поможет 7
Глава 3. Цена спасения 9
Глава 4. Клетка из мяса и костей 11
Елена 14
Глава 5. Искренность 16
Валериан 18
Глава 6. Отвращение и блаженство 19
Глава 7. Жестокая милость 22
Глава 8. С привкусом пороха и страха 24
Глава 9. Чужак 28
Глава 10. Зверь под ребрами 31
Алистер 35
Поместье 37
Глава 11. Яблочное зернышко 39
Глава 12. Градации ада 43
Глава 13. Два сердцебиения 46
Глава 14. Ноэль 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Глава 1. Запах времени и крови

Тогда, 2 года назад

Валериан

Библиотека была одним из немногих мест, где время проходило незаметно. Оно не стояло как в моей квартире, и не мчалось, как на улицах вечно спешащего города неподалеку, а текло медленно и плавно. Запах старых книг, шершавость древней бумаги, выпуклость многовековых чернил против лака для столов, пластика и химических отдушек.

Люди же продолжали пахнуть людьми.

Юный студент — сомнения, страх и возбуждение. Старый преподаватель — спокойствие и некое пренебрежение. Третьекурсница — легкое распутство и уверенность. Каждый из них был уникален, смешивая свой личный запах с частицами внешнего мира, будь то еда или духи, стиральный порошок или прогулка по парку. Запах переменчив. Лишь кровь остаётся единственной константой, и то, даже она подвержена изменениям.

Сегодня я пришёл сюда за досье Орсини. Не то, чтоб я не видел его раньше или не знал его почти что наизусть, но быть здесь имело несколько причин. Первая — мне нравится трогать историю. Вторая — моя работа требует работы с оригиналами, и если я не буду их использовать, то это может вызвать вопросы. Третья — любопытство.

Новая работница не была мне интересна, но в ней было что-то, что делало её заметной среди остальной толпы. Не запах, не кровь, не ее личность, которую я изучил достаточно тщательно после приема на работу. Да, я делал так со всеми, с кем так или иначе мне придётся взаимодействовать.

Её русые волосы, собранные в хвост, стекали по спине несколькими крупными локонами. Сама же она была повернута лицом к стеллажам и расставляла карточки студентов по алфавиту, наводя порядок после предыдущего сотрудника.

Я постучал двумя пальцами по стойке, привлекая к себе внимание, и положил документ на право доступа к старым изданиям. На самом деле мне не нужно разрешение, чтоб пользоваться этими книгами, но если правила есть, то их нужно соблюдать.

Минута, две, три. Мне пришлось слегка покашлять.

— Ой, здравствуйте, чем могу помочь? Ваш читательский, пожалуйста.

А я стоял и продолжал анализировать её запах у себя на языке. Это было чем-то знакомым, но слишком неуловимым. И я не мог понять, что именно это было. Она не пахла ни ванилью или, боже упаси, карамелью, ни кокосом или зелеными яблоками, как в тех романах, что она читала в свободное время.

— Ваш читательский? — она снова повторила свою просьбу и улыбнулась, искренне и без какого-либо подтекста, — теперь вы меня игнорируете? Заставлять даму ждать не очень вежливо, не находите?

Это не было претензией, лишь игривое замечание как следствие ее хорошего настроения. Ей нравилось здесь работать и на чувствовала себя комфортно.

Я кивнул, пропустив сказанное мимо ушей.

— Оу, Валериан Д. профессор кафедры исторических наук.

Не просто профессор, но и основатель, если быть точнее.

Она внимательно рассмотрела фото, после чего перевела взгляд снова на меня, словно ранее не обратила на меня внимания.

— Вы очен…

— Похож на портрет одного из ректоров, что висит в музее истории развития университета, — мне не нужно было угадывать, что она скажет дальше, потому что последние три года,

что я здесь живу, я слышу это слишком часто, — дед. По маминой линии. Пра-пра-пра…и до бесконечности.

— Ого, вы так на него похожи.

— Сильные гены, — я поправил воротник рубашки и забрал свой читательский обратно, — могу идти?

— Я, кстати, Елена, — очередная искренняя улыбка.

— И на долго вы здесь, Елена?

— Кто знает, может, даже навсегда, — она пожала плечами и вернулась к своему предыдущему занятию.

Помедлив несколько секунд я кивнул уже не видящей меня Елене и ушёл в специальное помещение библиотеки для работы со старыми книгами. Здесь было не так уютно, как в основном зале, ведь условия были больше для сохранения рукописей и изданий, чем для людей, которые с ними работают. Я спроектировал это помещение и дополнял коллекцию всю историю существования этого университета. Это было почти что моим домом, в который, к сожалению, можно было не так уж и часто возвращаться.

Я провел пальцами по корешку, но мысли упрямо возвращались к запаху новой библиотекарши. Не к ванили или яблокам, а к чему-то глубинному, что щекотало память. К чему-то, что я должен был знать, но никак не мог вспомнить. И это раздражало куда больше, чем любая историческая загадка.

Кто ты?

Глава 2. Страх не поможет

Сейчас

Елена

Я просыпаюсь среди ночи и по уже выработанной привычке глажу живот. Чувство нежности и любви переполняют меня, но тут же сменяются непонятной тревогой. Что-то не так. Живот слишком твердый, постель влажная. Я трогаю простыню под собой и подношу пальцы к лицу. Черт, ничего не видно.

Включаю лампу на прикроватной тумбе. Яркий искусственный свет вырывает из тьмы мои окровавленные пальцы.

Господи…

Страх парализовывает сознание.

Я набираю по телефону единственному близкому сейчас человеку.

— Валериан, приезжай скорее, мне нужна помощь. С ребенком что-то случилось!

— Вызови скорую, я скоро буду.

Быстрый звонок в неотложку.

Я должна открыть дверь. Мелкими шагами, держась за стены, прохожу в коридор и открываю замки. У меня нет сил вернуться обратно, поэтому прямо здесь я сажусь на пол. Пятно на сорочке становится больше.

— Пожалуйста, малыш, будь сильным. Мы обязательно справимся.

Дверь открывается без стука, Валериан сразу тянет ко мне руки в попытке помочь подняться.

— Не надо. Мои документы лежат в сумочке на кухне, вещи для меня и малыша в спальне. Я не успела подготовиться, не думала, что что-то пойдет не так.

В глазах Валериана нет паники, лишь его нос немного сморщен, будто в легком раздражении или брезгливости. Он всегда был молчаливым, кроме первых несколько месяцев после нашего знакомсва. Он так мало говорит о себе, но слушает, чтоб задавать верные вопросы о других.

Валериан молча исчезает в глубине квартиры, и я снова остаюсь одна в тишине прихожей. Каждая секунда растягивается в вечность. Я прислушиваюсь к собственному телу, пытаясь уловить шевеление, любой знак, что с малышом все в порядке. Но вместо этого чувствую лишь нарастающую, тянущую боль внизу живота и леденящий холод страха.

«Пожалуйста, просто пошевелись. Дай мне знать, что ты в порядке».

Я даже не шепчу, лишь мысленно молю, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Вернувшись, Валериан держит в одной руке мою сумку, в другой — перекинутую через локоть куртку. Он накрывает мое плечи, и это неожиданно заботливое движение вызывает у меня предательские слезы. Я отвожу взгляд, чтобы он их не увидел.

— Скорая должна быть уже тут, — его голос ровный, без единой нервной трещинки, — я собрал все необходимое в сумку.

Вдали слышится нарастающий вой сирены. Свет проблескового маячка мелькает за окном. И вот уже шаги на лестничной площадке, резкие вопросы медиков, которые Валериан берет на себя. Не теряя времени, он поднимает меня с пола и бережно несёт к скорой как невесту. Он укладывает меня на кушетку и садится у меня в ногах, куда позволили ему медики. Его лицо в полумраке кажется каменной маской, нарушенной лишь все тем же выражением легкой брезгливости.

Машина резко тормозит у приемного покоя. Яркий свет, суета, перевод на каталку.

— Мне страшно, Валериан, — вырывается у меня, когда он идёт рядом со мной среди врачей.

Он не смотрит на меня, его взгляд направлен вперед.

— Страх не поможет. Сейчас важны лишь действия и твой настрой.

Мир сужается до потолка в лифте, до лампочек на потолке длинного белого коридора, до яркого света больничной палаты.

И снова этот холод. Эта отстраненность. Я вспоминаю наш первый поход к врачу, его такие же бесстрастные глаза и все такое же безразличие, когда на УЗИ показали маленькое бьющееся сердце. Он тогда сказал, что это дар. И все. Никакой радости, лишь констатация.

Мне страшно. И холодно. Боже, пожалуйста, пусть все будет в порядке.

Меня отвозят на экстренное УЗИ. Врач водит датчиком по животу, его лицо сосредоточено.

— Сердцебиение есть, — слова дарят облегчение, я выдыхаю, словно меня только что вернули к жизни, — но есть отслойка. Нужно срочно оперировать.

Впервые за эту ночь Валериан берет меня за руку.

— Вы отец?

— Нет. Он друг семьи, — друг?

Кем он был для меня все эти месяцы? Поддержкой? Или просто наблюдателем? Он был рядом, когда меня бросил отец ребенка, решал все проблемы, но... он никогда не касался моего живота без просьбы. Никогда не говорил с малышом. Никогда не проявлял желания быть отцом, но всегда был рядом. Как покровитель или защитник. Как ангел-хранитель.

Когда меня везут в операционную, я продолжаю молиться всем богам. Не за себя. За малыша.

Бросив последний взгляд на Валериана, я замечаю его слабый кивок и прощаюсь с ним, когда двери закрываются, а он остается по ту сторону. Все будет в порядке. Он это знает.

В голове проносится единственная, леденящая мысль: а откуда он *это* знает?

Глава 3. Цена спасения

Тьма. Густая, безвоздушная. Я тону в ней, и лишь далекий, нарастающий звук пробивается сквозь вату в моей голове. Это крик. Детский крик.

Он пронзает меня, как разряд тока, выдергивая из небытия. Мой малыш. Жив.

Я пытаюсь открыть глаза, но веки слишком тяжелые. Сквозь щель я вижу лишь размытые огни ламп, пятна белых халатов и маленькое красное пятнышко в руках у врача. Моё тело ощущается чужим, как неподвижная гора на столе. Я ничего не чувствую. Лишь странное, плавающее ощущение, будто меня нет.

— Девочка, — говорит чей-то голос, приглушенный, как из-под воды.

Девочка. У меня дочь. Волна всепоглощающей любви и облегчения накатывает на меня, успокаивая и делая готовой снова провалиться в сон.

Это не боль. Это стремительно падение вниз. Кажется, что жизнь просто утекает из меня, как песок через пальцы. Аппараты вокруг начинают пищать тревожно, но их звук словно удаляется.

— Давление падает! — голос справа кажется звучащим из вакуума, — кровопотеря!

— Готовьте плазму!

Хаос нарастает, но для меня он приглушенный. Я не боюсь. Я слишком спокойна, чтоб испытывать страх. Зачем-то я пытаюсь пошевелить рукой, но не могу. Капельница. На моем теле появляется все больше датчиков и трубочек.

Свет в операционной начинает моргать в самый неудачный момент, прямо как в плохом фильме, будто кто-то специально повредил электронику.

И в этот момент он появляется в дверном проеме операционной. Валериан. Я не вижу его, но знаю, что это именно он. Я снова пытаюсь приоткрыть глаза. На нем натянут больничный халат, наскоро накинутый поверх его собственного серого свитера. Он всегда носит свитера. Но сейчас выглядит так, будто только что пробежал марафон.

— Я ее муж! — его голос режет металлом, потому что совсем недавно я назвала его всего лишь другом. Не парнем, не своим мужчиной, не кем-то большим. Его голос продолжает требовать, — её нужно стабилизировать!

Он не ждет ответа. Он быстро подходит ко мне, пока растерянная медсестра отвлекается на мое падающее давление. Врач, склонившийся надо мной, бросает на него раздраженный взгляд. Анестезиолог пытается остановить, но это безуспешно.

— Вас здесь не должно быть! Выйдите немедленно!

Но Валериан уже рядом. Он падает на колени у изголовья стола, его лицо совсем близко от моего. Он хватает мою ледяную руку, сжимает ее так, что кости хрустят.

— Что вы делаете?! Отойдите от пациентки! — его крик кажется таким далеким.

— Держись, — его голос хриплый, в нем нет и тени прежнего контроля, — они не успеют.

Его слова доходят до меня сквозь пелену. Я знаю, что умираю.

Он прижимается лицом к моей шее, используя заминку персонала, будто хочет сказать что-то на ушко, последние слова.

Но вместо шепота я чувствую острую, обжигающую боль.

Это не укол. Это что-то другое. Что-то дикое, первобытное. Ощущение разрыва плоти и давящая тяжесть.

Я пытаюсь вскрикнуть, но могу лишь беззвучно открыть рот. Мои глаза закатываются. В последнем сужающемся поле зрения я вижу капли своей крови на губах Валериана. Его взгляд приковывает мой. В глубине его зрачков пляшут отражения тревожных огней. Он снова наклоняется ближе.

— Прости, — его шепот на моей коже.

Он встает, отступает на шаг, поднимая руки в жесте сдачи, когда к нему бросаются двое. И это последнее, что я слышу и вижу, прежде чем острая, обжигающая боль растекается по моим венам вместо уходящей жизни. Это странный, но чужой огонь. Горячий и густой. Он выжигает слабость и заполняет пустоту.

И тьма, которая накрывает меня, на этот раз не холодная. Она пылающая.

***

Я не прихожу в себя, но балансирую между сном и реальностью. Моё тело пропитано болью. Карусель сменяющихся кадров мешается с моими последними воспоминаниями.

Реанимация. Первый крик. Яркий свет. Валериан.

За окном мелькает то город, то лес.

Я лежу на заднем сиденьи машины, прижав колени к себе.

Мои живот пуст.

Меня мучает невыносимая жажда.

Боль — лава в моих венах.

Я ищу свою дочь, ощупывая руками пространство.

Я кричу. Мои руки хватаются за все, до чего можно дотянуться. Подголовники передних сидений. Коврики на полу. Ручка на двери.

Снова Валериан. В моих мыслях он раскидывает персонал больницы и опять несет меня на руках как невесту.

Каждая кость ноет. Мышцы немеют.

Резкая остановка. Валериан открывает дверь и придерживает меня, когда меня тошнит. После этого он снова заталкивает меня на заднее сиденье и заставляет пить.

Моё тело мне неподвластно. Но мне жарко.

Опять остановка. Он смачивает какую-то тряпку водой и садится рядом со мной, прикладывая прохладу к моему лбу.

Мы снова едем.

Теперь мне холодно. Меня знобит. Даже в куртке на больничную сорочку. Валериан снимает с себя свитер и надевает на меня, дополнительно укрыв своим пальто.

— Где… моя… дочь… — это первые слова, которые мне удается сказать.

Он игнорирует.

Страх за неё и ярость на себя за свою слабость заставляют меня подняться с сиденья и сесть. Превозмогая боль, сравнимую с переломом каждой кости моего тела, я вцепляюсь пальцами в передние сиденья и притягиваю себя ближе к Валериану на месте водителя.

— Где моя дочь?! — незнакомый мне нечеловеческий рев вырывается из недр моего тела.

Я протягиваю ногу вперед, чтоб перелезть к Валериану, наплевав на все правила. Но его голос “*Сядь обратно*” в моей голове и невероятная послушность на этот приказ возвращают меня на место. Тело горит и ломается, но разум продолжает цепляться за его лицо в свете приборной панели, когда он резко повернулся на мой крик, но молчал, хотя я точно слышала его голос. В его глазах не было ни угрызений совести, ни страха., лишь холодная и хищная уверенность. Он не просто спас меня и что-то у меня забрал, но еще и что-то вложил взамен. И теперь это *что-то*, слушаясь его приказов, живет внутри моего тела.

Глава 4. Клетка из мяса и костей

Я не знаю, сколько времени мы уже едем, но если первые несколько часов я балансировала между реальностью и бессознательностью, то сейчас действие обезболивающих уже окончательно закончилось, и все мое тело ломит так, словно его проткнули тысячей спиц. Каждая моя клетка то пульсирует пламенем, то застывает курсом льда. Мои суставы выворачивает, заставляя меня принимать неестественные позы на заднем сиденье машины.

Мне страшно. И больно. Но мысли крутятся вокруг единственной “где мой ребенок”.

В очередной раз я пытаюсь задать этот вопрос вслух, но не получаю на него ответа. И по моим щекам снова текут слезы.

— Вал…ер…иан… — губы пересохли, каждый вдох наполняет лёгкие будто дымом, — что… проис…ходит?

— Скоро все будет хорошо. Скоро все станет в порядке, — это единственное, что он отвечает, как какую-то заученную мантру, которая не только не успокаивает, но и поднимает волну гнева внутри.

Я снова пытаюсь совладать со своим телом и тяну руки к тому, кто должен был стать моим спасителем, а стал тем, кто создал для меня ад. Моё тело не принадлежит мне, я не знаю судьбу своего ребенка, я еду неизвестно куда.

— Где она? — теперь из моего рта вырывается вой раненого зверя, — скажи, она жива?

Он снова молчит. Неизвестность — худшая из пыток, заставляющая не терять надежды.

Наконец, мы тормозим. Последние полчаса дорога пролегала через заснеженный лес, звуки которого били в мою голову набатом. Летающие птицы, треск ветвей, хруст снега под лапами пробивались сквозь рев машины, отражаясь в стенках моего черепа эхом. Запахи стали чище, взгляд острее, я могла разглядеть узор каждой падающей снежинки за лобовым стеклом.

Может, я умерла? Может, это мое чистилище после смерти? Или дорога на ту сторону, а образ Валериана стал мои Хароном?

Если же я жива, то я уже жалею об этом.

Я даже не увидела её лица, только пятно на руках у врача, что было моей дочерью. В моей памяти лишь крик, которым она меня наградила, прежде чем мы попрощались.

Я сижу, поджав колени, и даже не пытаюсь пошевелиться чтоб выйти, но дверь открывается и Валериан протягивает мне руку. Я принимаю его приглашение. Моя босая стопа касается колючего снега, мои глазаслепит от его яркой белизны даже в вечерних сумерках. Сколько мы ехали?

Не знаю, зачем, но я делаю шаг в сторону от Валериана и, быстро развернувшись, начинаю бежать. Каждый шаг как по стеклу, любое движение вызывает боль, сравнимую с разрывом связок и мышц. Я слышу, как Валериан следует за мной. Он хватает меня за руку и притягивает к себе. Мои руки бьют его по груди и до всего, чего я могу дотянуться. Я царапаю его красивое лицо и рву его одежду. Но он терпит и позволяет мне это сделать.

Расслабься.

В миг мое тело обмякает. Я снова оказываюсь заперта в этой клетке из мяса и костей.

Мысли возвращаются к дочери. Я даже не успела дать ей имя, подарить первый поцелуй или прикоснуться, чтоб почувствовать тепло её кожи.

Валериан поднимает меня на руки. Снова. Слишком много “снова” в последнее время. Но он несёт меня, будто я марионетка, чьи конечности безвольно свисают. Я не сопротивляюсь. Во мне не осталось сил ни на борьбу, ни на ненависть. Только пустота, гораздо большая чем та, что внутри моего тела, и леденящий ужас, растекающийся по моим венам.

Мы приближаемся к особняку, окруженному высокими деревьями. Снег скрипит под подошвами. Дверь открывается с тонким скрипом старых петель и громко хлопает. Слишком

громко, что заставляет меня зажмуриться. Кто-то подходит к нам, но я не могу повернуть голову и рассмотреть, зато я чувствую его запах. Это определенно мужчина, но почему-то от него пахнет цветами. Нежный тонкий аромат напоминает мне о доме и моей дочери, он смешивается с запахом горящей древесины и чем-то неуловимо металлическим.

— Валериан, — голос явно недоволен, он пропитан строгостью и яростью.

— Создатель, — я чувствую, как Валериан склоняет голову в уважительном приветствии.

— Ты получил согласие?

В ответ тишина. Но моё тело отзывается очередным спазмом и стоном.

Тук-тук-тук.

Звук такой, будто чем-то постучали по полу.

— Я растопил камины, выбирай любую комнату. Но помни, это для неё, а не тебя.

— Спасибо, — ещё более тихий чем обычно голос Валериана раздается над моей головой, он резонирует в его груди и вибрацией отдаётся в моем теле.

Что с ним не так? Что со мной происходит?

Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж, моё тело укладывают на просторную кровать и поворачивают так, чтоб я смотрела на пламя в камине. Постель мягкая, но ткань впивается иглами в оголенные участки кожи. Приятное тепло обволакивает тело, но внутри разрастается незнакомая мне ранее чёрная дыра. Она становится глубже и сильнее, вызывая во мне новую волну ярости, мне хочется пить.

Я пытаюсь пошевелить кончиками пальцев, и они поддаются.

Мое тело больше не сковано чьим-то приказом, но оно слишком обессилено, чтобы я могла что-то сделать.

— Пить, — слово с болью проходит между слипшихся губ, — пожалуйста.

— Сейчас или сможешь потерпеть?

— Воды.

— Просто воду, пока что. Спасибо, — Валериан кому-то кивает, и я замечаю стоящего у входа в комнату хозяина дома. Он разворачивается и возвращается с прозрачным стаканом, жидкость которого по цвету напоминает гранатовый сок.

— Пятьдесят на пятьдесят, чтоб твоя гостья не потеряла сознание.

Валериан снова кивает, помогает мне сесть, чтоб я могла попить. Крупными глотками в считанные секунды опустошаю стакан, жидкость приятным теплом заполняет мой желудок, а по венам расползается непонятное чувство блаженства, которое никак не вяжется со всем происходящим. Я падаю на подушки и рассматриваю трещинки на потолке.

— Елена, — голос Валериана разрезает наступившее кратковременные спокойствие, — тебе нужно снять это и переодеться в чистое.

Я медленно перевожу на него взгляд. Его лицо в полумраке кажется лицом римской статуи, на гранях которой играют блики огня. В его глазах нет ни капли жестокости, ни прежней брезгливости, лишь обеспокоенность, скрытая в морщинках.

— Она хотя бы жива? Ты забрал ее? Я могу её увидеть? — появившихся сил хватает лишь на то, чтоб озвучить свои вопросы.

Он не отводит взгляд, но снова игнорирует. У него нет ответа или он не хочет ранить меня ещё сильнее?

— Позволь мне помочь.

Я медленно моргаю, давая согласие, и возвращаюсь к трещинкам на потолке. Плевать, что он со мной сделает, если моей дочери нет со мною рядом и никогда не будет.

Его пальцы не спеша и аккуратно развязывают больничную сорочку. Холодные прикосновения точные и быстрые, словно избегают лишнего контакта. В этом нет ни похоти, ни желания. Лишь какая-то странная бережность. Та самая, что была вместе с курткой, которой он

накрыл мои плечи в коридоре. Ткань расходится, оставив меня совершенно нагой, кожа покрывается мурашками. Я чувствую ею каждое движение воздуха.

Я закрываю глаза и слышу, как Валериан уходит, оставив меня одну. Плеск воды, скрип отжатой ткани. Снова шаги. Теплое влажное полотенце касается моих плеч, рук, кистей, каждого пальца. Сверху вниз он убирает с меня последствия последних суток. Слезы, пот, запахи больницы.

Очередное влажное прикосновение. Он стирает кровь с моих бедер. Стыд и горечь резонируют со страхом и благодарностью. Слезы начинают течь по щекам и превращаются в громкие всхлипывания, рвущиеся из груди. Я не могу это контролировать.

Валериан снова уходит и возвращается. Он переворачивает меня на бок и снова протирает с благоговейной нежностью. Достав откуда-то длинную белую сорочку, он помогает её надеть и расправить.

— Это все? — мне нужен послеродовой уход. Я читала, что происходит с телом после родов, — будет ещё кровь. Много крови.

Я пытаюсь встать, чтоб найти какую-то альтернативу среди полотенец, которые должны быть в ванне, но мои действия ограничиваются лишь мыслями. Тело слишком слабо.

— Не беспокойся об этом, тебе нужно отдохнуть.

Он снова протягивает мне стакан, на этот раз в нем более тёмная и густая жидкость. Металлический привкус заполняет рот и уносит мои мысли куда-то далеко отсюда, но я продолжаю цепляться за реальность.

— Почему? — мой голос тихий, — зачем ты это делаешь?

— Потому что я не могу иначе. А теперь отдыхай.

Моё тело снова слушается не меня и занимает удобную позу на постели, Валериан накрывает меня тяжелым одеялом и перемешивает угли в камине, уменьшив огонь. Я проваливаюсь в сон, но это больше похоже на бесконечный кошмар, из которого нельзя выбраться.

Елена

Елена



Глава 5. Искренность

Тогда, 1г10м назад

Валериан

Её запах, скрываемый десятком отдушек и касаниями мира, все ещё заставлял меня задаваться вопросами. Почему она? Что было в ней такого знакомого, но неуловимого? Сегодня я снова пришёл в библиотеку в свое привычное время, и Елена встретила меня с лёгкой улыбкой на губах.

— Валериан? Рада вас видеть, — она протянула мне стакан с чуть теплым кофе и сэндвич из автомата, — поужинаете?

— Что это? — сначала вопросы, потом правила приличия, — спасибо, — я делаю глоток.

— После третьей пары вы каждый день педантично ходите в столовую, а сегодня пропустили. Вот я и подумала…

— Ещё раз спасибо, — я кивнул и удалился в ряды книжных стеллажей. Последнее время я все чаще приходил в библиотеку после конца рабочего дня не для того, чтоб насладиться прикосновениями к истории, а хоть немного побыть рядом с Еленой.

На завтра я принёс ей сливочный мармелад и стакан горячего чая с мятой. Она снова мне улыбнулась, а я больше не пропускал посещения столовой, чтоб не получить даже и капли заботы от Елены и не оказаться ей должным.

Через пару недель я понял, что каждый вечер стал заканчиваться посещением библиотеки. Книги все сильнее стали пахнуть Еленой. Она прикоснулась чуть ли не к каждой из них, оставив свой след во время инвентаризации на прошлых выходных. Но мне это нравилось. Поэтому я снова пропустил обед, чтоб Елена дала купленный специально для меня, но уже остывший кофе, а у меня был повод угостить её вишнёвый тартом.

Мне понравилось, как она улыбалась. Будто я принёс ей не просто угощение, а частичку себя. В каком-то смысле так и было, я приготовил это специально для нее, предварительно придирчиво выбрав самые красивые вишни. И это стало моей ошибкой.

На её губах крошки и капля сиропа, которые мне хочется убрать пальцем, но я никогда не позволю себе такого в отношении смертной женщины.

Все становилось сложнее. Случайности, которые я не планировал, цеплялись друг за друга, образуя цепочку, связывающую нас с Еленой.

***

Я сидел в столовой между лекциями, когда на мой стол опустился ещё один поднос.

— Вы не против? — но она уже села, зная, что нет.

Я кивнул и продолжил обед. Невольно я изучал её сегодняшний запах. Он был чуть тяжелее обычного, а сердце Елены билось на три удара быстрее привычного ритма. Она села ко мне не просто так, и меня это влекло.

Она почти не ела, зато много рассказывала о своих впечатлениях об этой работе. Ей нравился этот университет и его тихая атмосфера, но её жутко раздражали шумящие в библиотеке первокурсники, которым она делала замечания и после третьего выставляла за двери.

В следующий раз она заглянула ко мне в кабинет под предлогом вернуть оставленную в библиотеке книгу. Я её там не забывал. Елена стояла на пороге моего кабинета в ореоле светящихся пылинок, еле различимых и витающих в воздухе. Солнце из окна за моей спиной рисовало мою тень перед Еленой, а её вырисовывало на фоне темной двери. Это было поэтично красиво, и я не смог сдержать улыбки и порыва.

Подойдя к ней, я забрал книгу из её рук, задержавшись чуть дольше, чем этого требовала ситуация, и положил на стол, но не позволил себе прикоснуться к Елене. Все наше общение на расстоянии вытянутой руки или через передаваемые друг другу предметы.

— Спасибо, — я поблагодарил её и тут же попрощался, — жду студента на индивидуальную консультацию, — мне пришлось солгать, чтоб не оставаться с ней наедине ещё дольше. Библиотека и столовая никогда не бывают пустыми в отличие от моего кабинета.

Она снова улыбнулась и ушла.

***

Мы прогуливались по территории университета, среди спешащих студентов, когда моя рука случайно коснулась ее. Электрический импульс, возникший между кожей, пробежался по всему телу и осел где-то в сердце. Я был в неё влюблен. Чисто. Искренне. Так же как несколько веков назад в мою жену. Но ее я мог любить хотя бы до того момента, как мне пришлось умереть.

Несколько десятилетий я нес в себе это чувство, боясь предать ту, которая хранила траур несколько лет и воспитывала нашего сына. Я отправлял ей анонимно деньги и приносил корзины с продуктами, чтоб помочь, но не мог быть рядом. Когда она умерла, я попытался забыть её лицо, но оно продолжало меня преследовать во снах. Любовь, которая лежала в моем сердце тяжелым камнем, однажды исчезла, забрав из памяти и её лицо. Я был свободен, но в тоже время пуст. Я больше не помнил её черт, не помнил её запаха, не помнил мягкости её волос. Я помнил её образ, но не ее. Она потерялась среди своих потомков, оставшись лишь строчкой из имени в их родословной.

Елена напомнила мне об этом чувстве, возрождая ещё и непонятную светлую грусть. Это было похоже на холодное солнце, которое греет кожу, пока мороз заставляет покрываться мурашками. Я спрятал руку в карман, будто ничего и не было и чтоб это больше не повторилось. Но тайно наслаждался, растирая пальцы друг об друга.

Мы пили кофе холодным зимним вечером в студенческом кафе у всех на виду, как коллеги. Я не боялся, что нас в чем-то заподозрят, потому что для этого не было причин. Лишь невинные разговоры о книга.

Но уже в тот момент я понимал, что дальше это не зайдет. Елена была человеком.

Разве я был в праве разбить ей сердце и украсть несколько лет, не давая ей ничего взамен? Ни семьи, ни детей, ни “долго и счастливо”. Посвятить её в свой мир? Это сделало бы её мишенью для охотников. Обратить? Но я не хотел, боясь, что вечность станет проклятием. Просто секс? Это было бы оскорблением.

Я довольствовался малым, эгоистично наслаждаясь ее улыбкой среди книжных стеллажей.

Валериан

Валериан

Глава 6. Отвращение и блаженство

Сейчас

Елена

Она такая маленькая и легкая, что я боюсь держать её в руках и навредить. Я глажу пальцами светлый пушок на голове, касаюсь кончика носа, маленьких губ. Поправляю пелёнку, разглаживая складочки. Целую лоб и вдыхаю её аромат. Она пахнет так, как младенцы. Немного молока, сладости и кислинки. Убрав губы с её лба, я снова рассматриваю её умиротворенное лицо. Спит.

Неожиданно Валериан вырывает сверток из моих рук и разворачивает пеленку, показывая, что она пуста.

Где она? Где моя дочь?!

Он отнял её у меня! Лишил меня дочери!

Он притворился другом, чтоб исполнить свой план!

Я кричу, кидаюсь на Валериана и пытаюсь забрать у него пеленку. Но с каждый шагом мне все сложнее двигаться, будто пространство вокруг становится густым. Уголок пелёнки скользит между пальцев, оставляя их пустыми.

Я снова не смогла. Снова осталась одна. Снова потеряла ее.

Мой собственный крик наконец будит меня, вырвав из этого бесконечного цикла повторяющегося кошмара в разных вариациях. Но в каждом — Валериан забирает у меня дочь.

Но сейчас он сидит рядом со мной и протирает моё лицо влажной холодной тканью.

— У тебя жар, мне нужно было как-то тебе помочь.

— Если она мертва, то дай умереть и мне.

Он снова уклончиво молчит, но встаёт с кровати и уходит, оставив меня наедине со своими мыслями. Дрожащими руками я помогаю себе встать, опускаю ноги на пол и приподнимаюсь с постели.

Через минуту Валериан возвращается и помогает мне встать на ноги. Я пытаюсь удержать равновесие, но моей опорой все так же служит Валериан. Так же как и последние несколько месяцев. Я не могу верить своим снам, я не хочу верить в то, что они мне показывают.

Моя голова не его плече. Я чувствую, как пахнет его кожа. Инстинктивно я открываю рот в желании укусить, не осознавая это и не контролируя.

— Нет, — короткий и строгий приказ. Валериан отступает на шаг, удерживая меня на вытянутых руках. Слегка подталкивая, он заставляет меня двигаться спиной к кровати. Уперевшись в неё ногами, я чуть ли не падаю и сажусь.

Подняв с пола принесенный стакан, Валериан протягивает его мне. Я впервые обращаю внимание на то, что внутри. Тьма сжимается до болезненной точки, мой рот наполняется слюной. Металлический запах отдаётся тугой волной осознания реальности.

— Это… кровь… — оттолкнув стакан, наблюдаю за тем, как темно-красная жидкость растекается по полу среди блестящие осколков. Валериан лишь качает головой.

— Сиди здесь. Я принесу новый.

Мне хотелось бы сопротивляться его приказу, но я не могу. Лишь мысли принадлежат мне, но тело теперь слушается его.

— Пей.

Рука послушно тянется к стакану, рвотный спазм сдавливает горло, но как только на языке появляется вкус крови, тело послушно делает глотки. Осязаемое блаженство расслабляет мышцы, желудок прекращает спазмироваться голодом, тьма внутри довольно пульсирует. Я себе отвратительна. Вместо мыслей о дочери я думаю лишь о том, как продлить и усилить это чувство, когда мягкое тепло растекается по организму.

— Получше? — я лишь киваю, — еще?

Мне хочется отказаться, потому что так правильно, потому что это было бы верно. Чья она? Окуда? Но я соглашаюсь.

— Хорошо.

Встав с кровати, я подхожу к камину и протягиваю руку, наслаждаясь излучаемым теплом. Ладонь невольно ложится на живот и ощупывает его, вызывая спазм из мыслей и воспоминаний.

Я поднимаю сорочку. Мои бедра чистые. На животе грубая затянувшаяся рана, которую никто не зашил. Лишь обратив на неё сейчас внимание, я понимаю, как она зудит. Кончики пальцев начинают раздирать живот в попытке почесать, ногти царапают кожу, оставляя красные полосы и заставляя рану сочиться кровью.

— Елена!

Я продолжаю расчесывать живот.

— Елена!

Ногти забиваются моей плотью.

— Хватит! — руки безвольно свисают, я поворачиваю голову на Валериана.

Его встревоженный вид заставляет меня плакать. Я чувствую себя безумной. Я сошла с ума. Это все ненастоящее.

Кровь в стаканах. Желание укусить. Обостренные ощущения.

Это всего лишь жестокая игра моего сознания перед смертью.

Объятия Валериана заставляют меня поверить, что все это по-настоящему. Почему? За что? Что я сделала не так, что он теперь меня так наказывает?

“Это не наказание. Я хочу тебя спасти. Просто поверь.”

Его голос в моей голове. Это не может быть правдой.

“Это новая реальность.”

Я не хочу быть в ней без своей дочери.

“Прости.”

Я рыдаю в его плечо, не зная, друг он мне или враг, но сейчас он тот, кто делает мне больнее всего.

Мне становится холодно.

Услышав мои мысли, Валериан укладывает меня в постель и накрывает одеялом. Поджав колени к груди, я наблюдаю за тем, как он собирает осколки с пола, вытирает кровь и замывает красное пятно на дереве. Этот бардак устроила я.

— Ты ни в чем не виновата, — Валериан поднимает голову, — ты просто должна освоиться, я тебе помогу.

Почему-то мне хочется ему верить. Он ни разу не дал повода для обиды, кроме того непонятного отдаления. Мне казалось, что я ему нравилась, но неожиданно он воздвигнул стену между нами без объяснений. И все же он единственный оказался рядом, когда мне нужна была помощь, он поддерживал, не требуя ничего в ответ. Но все это было до того, как мы с моей дочерью перестали быть одним целым.

Это странно. И страшно.

— Она хотя бы жива? — мой голос тихий, — Валериан! Ответь мне! Мне нужна моя дочь!

Я вылезаю из-под одеяла.

— Я хочу её увидеть! Ты отнял у меня возможность с ней познакомиться!

Валериан замирает, прекращая вытирать пол. Он медленно поднимается и поворачивается. Его лицо наполнено болью и состраданием. Безумная надежда и леденящий страх наполняют пространство.

— Ты же чувствуешь это… То, что с тобой происходит. Голод, иную силу, заживающие раны. Я спас тебя.

— Зачем? — я падаю в его ноги, умоляя об ответе, который я хочу услышать, — что с моей дочерью?

— Я не мог поступить иначе. Ты умирала, а я боялся, что не успею. Твоя жизнь была в моих руках, — он опускается на мокрый пол и берет мои ладони в свои.

— А она?! Что с моей дочерью?!

— Я не в праве распоряжаться её жизнью.

— А моей?! Откуда у тебя право на мою жизнь, Валериан?!

— Я прошу тебя просто мне поверить, — теперь он умоляет меня. Его голос тих, голова свисает вниз в поиске прощения.

— Я не могу верить тому, кто не дает ответы на мои вопросы.

Резко встав с пола, я отправляюсь в свою кровать. Ведомая беспомощной злобой, швыряю очередной стакан с кровью на пол и отворачиваюсь в другую сторону, наплевав на проснувшийся на запах голод. Как только у меня появятся силы, я обязательно найду ответы на все интересующие меня вопросы.

Глава 7. Жестокая милость

Тогда, 1гбм назад

Валериан

Мне нравилось, как менялся воздух, когда Елена замечала меня. Ее сердце начинало биться чаще, а моё резонировало в ответ. Ее улыбка заставляла улыбаться и меня, освещая все вокруг. Мир рядом с ней становился ярче и красочнее. Мне нравилось, каким я становился рядом с ней. Мы продолжали разговоры обо всем и ни о чем, прогулки после закрытия библиотеки и даже продолжал её до дома. Снежинки кружили вокруг неё в ореоле фонарного света.

Это был идеальный момент, чтоб поцеловать ее. Но я не посмел этого сделать.

— Холодно, наконец наступила настоящая зима, — я обнял себя руками, чтоб согреться. Вернее сделать вид.

— Хочешь…зайти на чай? — это было сказано так несмело, что я еле сдержался, чтоб не согласиться.

Я молчал, будто потерял дар речи.

— Завтра проверка курсовых, а еще…

— Я поняла, прости, это было глупой затеей, — она быстро перебирала слова, будто тасовала колоду карт, — в другой раз? — она наконец подняла на меня глаза, её щеки были залиты розовым.

— Конечно, — не сдержавшись, я взял её руку в свою и оставил поцелуй на тыльной стороне ладони. Ее прохладная кожа в миг стала горячей, сердце забилось быстрее, а изо рта вышел клубок пара. Я сделал шаг назад и, дождавшись, когда Елена зайдет к себе домой, ушёл прочь.

Той ночью мне не удалось уснуть. Я погонял в голове лесу воспоминаний, касаний и запахов, учащенного ритма и расширенные зрачков. Хуже всего было знать, что это никогда не станет нечто большим, но лучшее — она заставила чувствовать себя живым.

Закончив с парами, я взял себе стакан кофе, а ей чёрный чай с мятой, и пришёл в библиотеку. Как будто это уже было не просто привычкой, а необходимостью. Увидеть её, чувствовать, осязать.

Студенты парами шептались за своими столами, но Елены не было на её рабочем месте, но я отчетливо ощущал, что она где-то рядом. Оставив напитки на библиотечной стойке, я пошёл на стук её сердца, на шлейф оставленных духов. Она стояла среди полок и глазами искала нужную книгу.

— Помочь?

— Не могу найти томик Брайанта, — кончик тонкого пальца волной шёл по корешкам, в воздухе раздавались зачитанные полушепотом имена, — его кто-то взял и не отметился? Черт-черт-черт, — в голосе микропаника, — его книгу не вернут, её стоимость спишут с меня или университет покрывает расходы на сворованное?

Её встревоженный взгляд заставил меня улыбнуться. Тираж той книги не так уж и мал, чтоб можно было беспокоиться. Но все я же пробежал взглядом по полкам, чтоб помочь.

— О, вот она. Какой-то засранец положил её на остальные книги вместо того, чтоб просто поставить, — я взялся за прохладную обложку, когда рука Елены накрыла мою.

Через точку контакта хлынул водопад ощущений. Ее сиюминутное смущение, вспышка влечения, легкая надежда.

— Вы нашли Брай…ой…профес… — звонкая студентка ворвалась в наш маленький пузырь и заставила меня сломать то, что давно пора было прекратить.

— Здравствуй, Лесли, — рука Елены покидает мою, оставив невидимый прощальный след на месте прикосновения.

— Да-да, как раз ищу, — ее пальцы снова исследуют корешки, будто ничего и не было, будто она не знает, где книга, но обстоятельства сильнее нас.

— Вам это нужно? — мой голос прозвучал чужим и холодным. Я резко перешёл обратно на “вы”. И это было не из-за Лесли, стоящей рядом с нами.

Елена взяла том, смущенно покраснев и с лёгкой дрожью, будто нас застукали за чем-то неприличным.

— Да… спасибо. Вы… как всегда, вовремя. Лесли, держи, я сейчас подойду.

В глазах плясали маленькие озорные огоньки, на губах была улыбка. Я знал, что поступаю некрасиво, но все же сделал это.

— Елена, всего доброго, — я развернулся, чтоб уйти, но меня догнал её голос.

— Ты не останешься?

Ответа не последовало. Пусть думает, что я испугался публичности наших отношений, вполне разумная причина для коллег.

***

На следующий день я пришел в библиотеку строго за десять минут до ее окончания рабочего дня. Мои движения были бесстрастны. Я положил на стойку книгу протянул читательский билет, так не встретившись с ней взглядом.

— Валериан? Все в порядке? — ее голос был тихим, полным немого вопроса, она ждала от меня хоть слова, намеренно растягивая секунды, требуемые для простановки штампа на бумаге.

— Все в порядке, Елена. Спасибо, — я кивнул, формально и холодно, как в самый первый день, — доброй ночи.

Я ушёл, чувствуя, как ее недоумение и зарождающаяся боль тянутся за мной шлейфом. Каждый мой шаг отдавался в груди глухой болью, будто я отрывал от себя что-то живое.

С того дня я стал никем. Я приходил в библиотеку только по делу. Разговаривал исключительно на профессиональные темы. Отвечал односложно. Я возвел стену между нами, кирпичик за кирпичиком, и наблюдал, как огонек в ее глазах при моем появлении постепенно гаснет, сменяясь вежливой отстраненностью. Это была пытка. Но это была единственная возможная милость, которую я мог ей предложить. Лучше пусть она думает, что я холодный и странный, чем узнает, что я тот, кто может влюбиться в запах ее крови и обречь на вечность.

Ближе к концу весны я уже не чувствовал в воздухе недоумения, учащенного пульса и выброса гормонов. Ее взгляд больше не искал ответов, голос был исключительно вежливым, в нем не было ни дружелюбия как в начале, ни печали как после моего поступка. Я стал лишь одним из многих, кто пришёл к ней за книгой. И так же как и они, я был ей безразличен.

Наконец наступил последний день работы библиотеки и университета перед летними каникулами. Я проходил мимо дверей и остановился возле них в лёгкой тоске. Мне хотелось увидеть её и попрощаться, пожелать хорошего отдыха и снова насладиться тем, как она улыбается, даже если это было бы вежливо и наигранно. Но вместо этого я сделал шаг, затем ещё один и еще. Чем быстрее я шел, тем четче осознавал, что следующий учебный год, если Елена останется тут работать, будет для меня ещё труднее.

Глава 8. С привкусом пороха и страха

Сейчас

Елена

— Валериан, они уже знают и передали сообщение через Асмодея.

— У Аса полно своих личных грехов, нет?

— Эта пуля была за тебя, а не него, — глухой удар тростью хозяина об ногу Валериана, — ты понимаешь, что тебя ждет? Твоё наказание не будет ограничиваться моими руками.

В этот раз я просыпаюсь не собственного крика, а от чужих голосов. Я слышу их так отчетливо, будто источники в моей комнате.

— Даже по меркам охотников я не имел права на ее спасение?

— Ты не получил от нее согласия! Это нарушение.

— Но они этого не зна…

— Тш, иди скажи своей гостье “доброе утро”. И ей пора начинать приходить в себя, помоги ей.

Быстрые шаги, скрип двери, Валериан.

— Привет, как твое самочувствие?

Не хочу с ним разговаривать.

“Но придется. Если хочешь побыть одна, я тебя оставлю, но мы здесь гости и правила устанавливаю не я.”

Он снова в моей голове. Я стискиваю зубы, выстраивая мысленную стену. Он вздыхает и произносит вслух

— Как твой…живот?

А что с ним может быть?

Я поднимаю сорочку, на моем животе примочка, примотанная ко мне бинтами. Он сделал это пока я спала? Стыд поднимается до щек, он снова видел меня голой.

— Позволишь посмотреть?

— А тебе нужно разрешение?

— Елена, — он тяжело вздыхает, — я знаю, что это прозвучит безумно, но я не хочу действовать против твоей воли.

— Разве не *это*ты делаешь последние дни?

— Это “нет”?

— Действуй, — раздражение в груди мешается с безразличием. Я откидываюсь на подушки и отворачиваюсь к окну, рассматривая снежинки за стеклом.

Валериан снимает бинты и убирает примочку, одна из сторон которой пропитана кровью. Уже по запаху я понимаю, что она не моя.

— Ну, смотри, — он не касается моей кожи, но его взгляд скользит по каждой неровности растерзанного мною же шрама. Нехотя, я перевожу взгляд, но он цепляется за что угодно, лишь бы не смотреть на живот, — я знал, что тебе не понравится эта идея, поэтому сделал это пока ты спала.

— Мне плевать, как он выглядит.

— Твоё тело сильное, оно справляется.

— Валериан! Ты слышишь себя?! Плевать мне на тело, я не в порядке! Я!

— Пожалу…

— Что “пожалуйста”?! Я даже не уверена, что все это по-настоящему!

— Я знаю, что тебе многое неясно, но я до…

— Должен был меня спасти?! Где моя дочь?! Её спасти ты не мог?

Его лицо, такое спокойное мгновение назад, дрогнуло. Он отводит взгляд, попытавшись скрыть мелькнувшую тень той самой боли, что я видела вчера на полу.

— Пей, тебе нужны силы, — он протягивает мне очередной стакан, сколько их уже было за последние дни? Я даже не уверена, что помню то, что со мной происходит.

Тёмная-алая жидкость притягивает меня, вызывая противоестественный интерес.

Я отталкиваю руку со стаканом, но в этот раз Валериан готов. Ничего не падает, не разбивается и не разливается.

— Нет, я не буду пить это! — но мое тело говорит об обратном, голод затмевает разум, — я не хочу быть…этим!

— Кем “этим”? Тем, кто жив? — голос Валериана непривычно жесток.

— Тем, кто пьет кровь! Неужели ты не понимаешь? — мой голос срывается на крик, — я не просила ничего из этого! Мне не нужны ни вечная жизнь, ни что-то другое, что ты можешь мне предложить из своего арсенала! Мне нужен только мой ребенок!

— Мы не бессмертны.

— И это всё, что ты услышал?!

— Пей, — он снова протягивает стакан.

— Нет. И ты не посмеешь меня заставить это сделать!

— Я больше и не буду, — стакан на моей тумбочке, — голод заставит. Сейчас у тебя нет выбора, я лишил его тебя тогда в реанимации, приняв единственное верное решение за нас всех.

— Всех? Не нас двоих? Моя дочь жива?

Очередной предательский проблеск надежды пламенем выжигает все остальные эмоции.

В ответ тишина.

— У меня есть выбор, Валериан. И если ты принял решение за всех, то я принимаю решение за себя и дочь. Для нас двоих. Даже не зная, жива она или нет. Но я не буду уподобляться тебе, можешь забрать стакан, — сглатывая ком слюны, я отодвигаю пальцем стакан подальше от себя. Скрип стекла по деревянной поверхности, плеск крови куда громче самой сильной грозы.

Валериан просто выходит из комнаты, оставив наедине с этим испытанием и пульсирующей ненавистью в висках.

Запах крови витает в воздухе, сладкий, густой и такой притягательный. Я облизываю сухие губы и сглатываю пустоту. Желудок сжимается спазмом в ответ. Закрыв глаза и пытаясь взять под контроль тьму внутри, вцепляюсь пальцами в край матраца.

Нет-нет-нет.

Спазм отпускает через несколько минут, но я уже знаю, что он вернётся с новой силой через некоторое время, поэтому встаю с кровати. Тело стало слушаться лучше, слабость ушла, сменившись странной временной легкостью. У меня даже нет одежды… Взял плед с края кровати и накинув его поверх, выхожу в коридор.

Дом большой тихий, лестница ведёт вниз и наверх, тут всего три этажа. Мои голые стопы касаются холодного паркета, ощущая рисунок каждого сегмента. Слух улавливает шумы леса, обоняние ищет источники запахов. Почему здесь пахнет цветами?

Я спускаюсь по ступенькам вниз, где нахожу гостиную с полузакрытыми шторами, создающими легкий полумрак. На маленькой лавочке перед потухшим камином сидит Валериан, положив голову на ладони. Его свитер и рубашка скинуты на пол, на нем лишь белая майка. В лучах солнца, проникающим сквозь стекло, я вижу рану на его левом плече, спускаюсь взглядом ниже и натыкаюсь на бледно-красно пятно на левом боку.

Это…следы от выстрелов?

Внезапная яркая вспышка воспоминания заставляет меня пошатнуться. Это не просто картинка, это целый пласт ощущений.

Я на его руках, резкий звук выстрела, его сдавленный стон, быстрый спуск по ступенькам, его руки все крепче сжимающие меня. И запах крови. Его. Мускусный, тяжелый, с привкусом пороха и страха.

Он нёс меня с этими ранами и ни на минуту не подумал о том, чтоб оставить меня. Снег, боль, холод, чужая машина, его куртка. Он вытирал мне лицо, поил, укрывал, пока пули продолжали оставаться в его теле. Ненависть и злость не проходят, но теперь они мешаются с каким-то странным чувством, похожим на благодарность или понимание. Он спас меня? Не дал умереть? Или же он просто меня похитил, дав волю желанию, и лишив ребенка? Но это так на него не похоже…

Валериан медленно оборачивается. Он с самого начала знал, что я здесь, но дал мне время. Он ничего не говорит, лишь осматривает сверху вниз и отворачивается. Его лицо бледное, я только сейчас замечаю как оно осунулось, а усталость оставила свои следы вокруг глаз.

— Это… от тех пуль?

Он молча кивает.

— Почему они заживают хуже, чем мой шрам?

— Любая рана с должным уходом и отдыхом своего владельца заживает лучше.

— А ты не…

— Нет.

— И хозяин дома тебе не помог?

— Хозяина дома зовут Алистер, — я уже слышала этот голос, — Валериан был слишком занят заботой о тебе, чтоб оказать себе помощь.

— А вы?

— Мой сын достаточно взрослый, чтоб мочь о себе позаботиться. Но справедливости ради, пару бокалов отличной крови он спел выпить. Пришлось настоять, чтоб совсем не ослаб.

Я снова поворачиваюсь к Валериану.

— Так почему ты не позаботился о себе? Ты хотя бы вытащил пули?

— Я вытащил, — снова Алистер, — а ему твоё выздоровление важнее своего.

Тук-тук-тук. Снова этот стук тростью по полу.

— Приятно познакомиться, Елена.

— Простите, я не усп… — но вместо того, что услышать меня, Алистер лишь поднимает руку, демонстрируя “стоп” и уходит, растворяясь в темноте коррида.

— Кстати, он приготовил для тебя мятный чай. Стоит на кухне, тебя проводить? — и это Валериан говорит об Алистере?

— Откуда он знает?

— Оттуда же, откуда и я знаю, что ты хотела вылить кровь в унитаз.

— То есть ты можешь не только приказывать, но и слышать мои мысли? А я могу так?

— Да. Не совсем. Ты не можешь приказывать, но мы можем обмениваться с тобой мыслями. И я могу подслушивать тебя против твоей воли.

— Это даже грязнее и противнее, чем я могла подумать, — отвращение липкой волной поднимается к горлу, — ты можешь препарировать моё сознание, как лягушку, а я не могу ничего с этим сделать.

— Это правда. Но я тобою честен. На самом деле, мне нет нужды залезать тебе в голову, чтоб узнать, что ты обо мне думаешь. Все написано на твоём лице. А приказы, да, но они необходимы сейчас для твоего же блага.

— А потом? В любой момент ты посчитаешь, что снова хочешь командовать, а я, как собака, должна буду за тобой бежать?

— Я не захочу этого, Елена.

— Это все просто слова, почему я должна тебе верить в это, если ты до сих пор не можешь сказать мне правду о дочери?

Не выдержав тишины в ответ и искаженное болью лицо Валериана, я улавливаю в воздухе нотки мяты и иду в предполагаемую сторону кухни. Пар над чашкой подтверждает реальность происходящего. Сделав глоток, наслаждаюсь чаем и тихо говорю “спасибо”, зная, что Алистер меня услышит.

Вернувшись в комнату, я заменяю стакан с кровью чаем и уношу стакан на кухню, в надежде хоть немного снизить это голодной наваждение.

Включив тёплую воду, я скидываю на пол сорочку и залезаю в ванну, наблюдая, как поднимается уровень воды и как тело реагирует расслабление на тепло. Мышцы становятся мягче, и я впервые рассматриваю шрам. Он уже не такой грубый, его края ровнее и свет. Я провожу кончиком пальца по его поверхности и запоминаю каждую неровность. Единственное физическое напоминание о том, что у меня есть ребенок.

Сквозь плеск воды, я слышу приглушенные голоса.

— Они будут здесь завтра после обеда.

Сандра и Асмодей. Из утреннего разговора я поняла, что Асмодей член семьи, а Сандра? Она человек или вампир? При мысле о ней и её человеческой природе, рот наполняется слюной, а обоняние выискивает в воздухе запах крови.

Я сжимаю зубы так, что сводит челюсть. Пальцы впиваются в края ванны до побеления костяшек.

Я справлюсь. Я буду сильной.

Когда я выхожу из ванны, замотанная в полотенце и пахнущая мылом, найденным в шкафчике под раковиной, то на уголке постели нахожу новую чистую сорочку, сложенную аккуратной стопочкой. Дрова в камине снова горят, и я только сейчас понимаю, что камины здесь не для поддержания тепла, а для мнимой иллюзии уюта.

Помимо всех моих вопросов к Валериану, есть еще два к этому месту. Почему в ноябре здесь пахнет свежими цветами и откуда здесь так много белых сорочек?

Глава 9. Чужак

Тогда, 1г2м назад

Валериан

Первые недели в университете самые суматошные. Первокурсники снуют по коридорам в поисках своего кабинета, преподаватели ругаются на опоздавших и нарушающих тихую дисциплину университета. Как школьник я избегал библиотеки, максимально отдаляя момент нашей встречи.

Мне одновременно хотелось, чтоб Елена была там, но я боялся этого. Но я так же и боялся, что её там не будет, поэтому заранее проверил список работников университета на этот год. Она была здесь.

Летом я все ещё продолжал думать о ней, хотел даже встретиться, был готов воспользоваться методами Асмодея и следить за ней, но отговорил себя от этого, зная, что ничем хорошим это не закончится.

Первое время я обходился собственной памятью и знанием литературы, но вот настали дни, когда моим студентам нужно увидеть воочию оригиналы книг и рукописей.

Я открыл дверь библиотеки и подошел к стойке. Елена, как и в первую нашу встречу, стояла ко мне спиной, поправляя карточки на полках. Слегка покашлял, чтоб привлечь её внимание.

— Привет? — тихо и даже немного несмело я поздоровался, когда кашель не сработал.

— А? Ой, привет, — Елена обернулась с удивленным видом, — мы снова на “ты”?

Черт. Мне не стоило так говорить, но в её голосе не было строгости, а в воздухе не витали смущение или напряжение.

— Прости, немного занята. Найдешь сам себе то, что тебе нужно? Я же помню, что ты ориентируешься здесь лучше кого бы то ни было. Потом принеси мне, я отмечу.

— Да, конечно.

Оставив читательский на стойке, удалился в ряды ровных стеллажей и намеренно долго искал то, что мне нужно. В спертом воздухе библиотеки снова витала Елена. Перед началом учебного года, пока её не было здесь, я проверил состояние некоторых книг и привез несколько интересных для моей коллекции бумажных экспонатов.

Её запах все еще влек меня, но теперь мне было проще с этим справляться. Потому что Елена была влюблена.

Не в меня.

Молча положив книгу на стойку и получив печать, я задержался на несколько секунд.

— Я…хотел извиниться.

— За что?

— За свое поведение в прошлом году.

— А, вы об этом, — она улыбнулась, — не стоит. Когда одна дверь закрывается, обязательно открывается какая-то другая.

— Повёл себя как мудак. Мне не сто…

— Валериан, — ее взгляд стал серьёзным, — я сказала, не стоит, — ей не нужны мои извинения. Я извинялся для себя, чтоб хоть немного очистить совесть, — просто скажите, что испугались такой девушки, как я.

Строгость её лица растворилась очередной улыбкой и морщинками вокруг глаз, когда их хозяйка перевела все в шутку, разрядив неловкую обстановку.

***

Я знал, что не вправе этого делать, но я ревновал. Глупо, по-детски и совершенно не рационально. Я сам возвел стену, сам оттолкнул её, а теперь у неё появился кто-то, кто может быть рядом. Кто-то, кто мог дать ей то, чего не мог я.

Моя чуткость — моё наказание, от которого невозможно избавиться. Ее щеки, обычно бледные в свете библиотечных ламп, теперь светились лёгким румянцем, будто от небольшой пробежки или смеха. Воздух снова менялся, принося с собой тонкий шлейф мужского одеколона. Дерзкого, молодого, яркого.

На её столе иногда стоял небольшой скромный букет, по которому было видно отсутствие вкуса, но от него сочилось желание понравиться. Кто-то сам выбирал каждый цветок в нелепую композицию, при виде которой взгляд Елены становился мягче. В перерывах между студентами она смотрела в свой телефон, а иногда она пахла шоколадным конфетами, которые прятала в выдвижной ящике своего стола. Я не залезал в него и никак не нарушал её границы, но я знал. Знал, потому что упаковка пахла тем же одеколоном.

Я наблюдал, как её влюбленность расцветает.

Самым худшим днём стал тот, когда я понял, что пути назад точно нет.

Под слоем ее геля для душа, пыли книг и личными нотами ее кожи прятался чужой мускусный след. Запах другого тела, другого пота, другого мужчины. И их близости. Этой ночью она занималась сексом. С ним. И даже утренний душ не смог избавить её от этого запаха. Он въелся в её волосы, подушечки пальцев и цепочку на шее.

Ревность ударила в виски новой силой, острая, как удар ножом. Я сжал пальцы с такой силой, что старинная кожа на фолианте затрещала. Но в этот момент мне было совершенно наплевать на сохранность этого старинного издания. Я был готов сжечь каждую книгу, самолично поднести огонь к каждой странице и рукописи, лишь бы перекрыть эту чертову ревность.

Елена была торжеством жизни моего мира. Мне хотелось кричать и разрушить свою библиотеку, опрокинуть стеллажи и наблюдать, как обрывки рукописей кружатся в воздухе.

Вместо это я поставил книгу на полку и ушел в свой кабинет, профессионально отвёл оставшиеся пары и вернулся к себе домой. Я не в том возрасте, чтоб переживать из-за какого-то странного влечения. И я все ещё не мог понять, с чем оно было связано. За столь длительное знакомство с Еленой, я так и не нашёл источник того, что казалось мне в ней знакомым.

В один из зимних вечеров мне пришлось задержаться в университете. Я шёл по пустому коридору, когда услышал, как щёлкает замочная скважина библиотечной двери, как скрипит ключ, а после быстрые шаги. Я остановился, вслушиваясь и наслаждаясь учащенным сердцебиением спешащей Елены. Она пробежала мимо меня, слегка кивнув в приветствии или прощании, и вышла на улицу.

Замерев на пару секунд и осмотревшись, она сделала несколько несмелых шагов, будто кого-то искала, а потом увидела его. Того, кто зашёл под свет фонаря, чтоб его было лучше видно, и помахал ей рукой. Елена ускорила свой шаг и чуть не бросилась в его объятия. Он притянул её к себе и поцеловал, она засмеялась. Звонко и чисто, так, как она могла бы смеяться мне, но я не был обречён на счастье с ней. Но зато была счастлива она.

Её рука обхватила его локоть. Парень взял сумку Елены и закинул на свободное плечо. Они удалялись в темноту вечернего города, пока я стоял по ту сторону стены, с комом холодной и бесполезной ярости в груди.

Я мог бы вырвать ему сердце и умыться кровью, обратить Елену, подавить её волю и навсегда сделать своей. Но мочь и желать этого имели чёткие границы в моей голове, поэтому я просто улыбнулся и покачал головой. Я понимал, что есть вещи, которые никогда себе не позволю, поэтому вернулся в свою пустую квартиру, разморозил пакет с кровью и погрузился в ледяную ванну, которая лишь слегка успокоила меня.

Елена заслуживала счастья, а моё решение было верным. Она сияла. Жила. Радовалась. А мне предстояло остаться всего лишь профессором-неудачником, смутным силуэтом в полумраке университетской библиотеки.

Глава 10. Зверь под ребрами

Сейчас

Елена

Просыпаюсь от жажды. Не от пустоты в желудке, а от чего-то более звериного, скребущего под ребрами и сводящего челюсти. Я сжимаю зубы, чувствуя, как клыки настойчиво давят на десны, пытаясь выдвинуться вперед.

Нет. Не сейчас.

Я впиваюсь ногтями в ладони, концентрируясь на боли. Она тупая, человеческая, знакомая. И она, как ни парадоксально, помогает. Она напоминает мне о том, кто я или кем была. Я дышу, как меня учили на курсах йоги для беременных. Делаю глубокий вдох и медленный выдох.

Дверь открывается, Валериан входит без приглашения.

— Тебе лучше? — снова этот глупый вопрос. Его взгляд задерживается на моем плотно сжатом рте, на белых костяшках пальцев. Он все видит. Все знает. Все чувствует.

— Замечательно, — сиплю я сквозь зубы, не разжимая челюстей.

— Мне нужно уехать в город на несколько часов.

Город. Его шум, люди, запахи. Жизнь во всех её проявлениях. И шанс увидеть что-то и попытаться узнать, где мы. Возможность сбежать.

— Я с тобой.

— Нет.

Отказ звучит спокойно и неотвратимо, как приговор.

— Я не могу здесь оставаться! — мой голос срывается. Я чувствую соленый привкус своей же крови из прикусанных губ. Отказ действует на меня, как удар тока, а голод вскипает с новой силой.

— Именно поэтому ты и останешься. Алистер здесь. Ты в безопасности.

— От себя самой? — выдыхаю я, — ты оберегаешь меня о самой себя?

Он игнорирует вопрос.

— Что тебе привезти? Одежду, обувь… что-то еще?

Я смотрю на него с ненавистью, но отказываться от предложения было бы по-настоящему глупо.

— Джинсы. Двое лосин, тонкие и плотные. Черные. Две свободные футболки. Свитер, простой, теплый, можно серый. Белье. Зимнюю обувь. Носки, теплые, три пары, мне холодно ходить по паркету, а я не люблю тапки. Но ты и так это знаешь…

— Еще?

— Книгу. Любую. Лучше несколько. Шоколад. Самый горький, который найдешь. И фрукты. Апельсины. И набор для рукоделия, любой, который найдешь, что угодно, на что упадет твой взгляд.

На самом деле я и сама не понимала, зачем попросила последний пункт, но, видимо, часть моей человеческой личности ищет любой способ не сойти с ума окончательно. Монотонная деятельность помогает установить в голове тишину, это сродни медитации.

— На этом все?

— Шампунь и все такое?

— Понял… Если будут вопросы, то…

— Позвонишь по ментальным проводам?

На его губах легкая кратковременная улыбка, он кивает и уходит. Я остаюсь одна в тишине, которую разрывает лишь треск поленьев в камине и вой ветра снаружи. Я должна

двигаться дальше, если мне нельзя в город, то нужно исследовать окрестности. Сидеть здесь равноценно тому, чтоб сойти с ума.

Я спускаюсь вниз. Если б я была человеком, то решила бы что дом пуст. Но из кухни раздается легкий аромат свежего кофе и чего-то сладкого. Войдя, замечаю сидящего за столом Алистера.

— Доброе утро, Елена, — говорит он, не поднимая глаз от книги, — Валериан предупредил, что ты можешь спуститься, и попросил присмотреть.

«Присмотреть». Слово, от которого сводит живот.

Алистер закрывает книгу и поднимается со своего места. Он не спрашивает и не предлагает, просто протягивает руку, ладонью вверх, в молчаливом приглашении. Что-то в его спокойной, неоспоримой манере не позволяет отказаться. Я кладу пальцы ему на ладонь.

Он ведет меня к заднему выходу, что расположен прямо напротив входа, через который мы вошли.

Алистер открывает двери, тепло и влажность бьют мне в лицо. Наконец, я вижу источники тех самых запахов, которые мне казались здесь уместными. Земля, зелень и несколько сотен цветов. Это зимний сад. Огромная застекленная пристроенная к дому комната, полная жизни вопреки серому небу и снегу за окнами. Воздух густой и пьянящий, пропитанный живыми свидетелями скоротечности жизни.

— Мое единственное сумасшествие, — говорит Алистер просто, отпуская мою руку, — лекарство от времени.

Он отходит к розовому кусту и начинает что-то поправлять, полностью погрузившись в свое занятие, будто забыв обо мне и дав мне возможность прийти в себя.

— У меня есть вопрос, не дающий мне покоя.

— Да? — Алистер не отрывается от своего занятия.

— Откуда в этом доме столько сорочек?

— Они ждали тебя.

— И все же?

— Елена, — он поворачивается ко мне с усталым вздохом, — жизнь слишком непредсказуема, особенно с моими детьми. Вековое создание научило хотя бы минимально быть готовым к различным поворотам судьбы. В одном из моих домов однажды не было ни единой простыни, мне казалось это глупостью или пережитком моей реальности, но однажды они понадобились всем. Огонь, вода и свежая ткань. Три пункта, которые всегда должны быть в твоем доме. Они всегда помогут чью-то жизнь встретить или же попрощаться.

Пытаясь осмыслить его слова, я брожу между рядами, касаясь цветов почти что невесомыми движениями. Лепестки бархатные и живые. Здесь нет ни крови, ни металла, ни страха. Только красота и хрупкий, упрямый порядок. Я подхожу к огромному окну, за которым бушует метель.

Неистовая, белая стихия снаружи и этот тихий, вечный рай внутри.

Я не знаю, сколько времени провожу там, но в какой-то момент, когда Алистер уходит в дальний угол с секатором, инстинкт вытаскивает меня наружу. Быстро я проскальзываю в коридор, нахожу знакомую дверь и выхожу на улицу.

Воздух, чистый и ледяной, обжигает легкие и кожу. Снег слепит глаза. Я стою босиком на этом снегу, и холод парализует ступни за секунды. Передо мной расстилается бесконечный лес. Ни огонька, ни признаков жизни, лишь следы шин между деревьев.

Я делаю шаг. Потом второй. Снег хрустит, цепляет за подол сорочки. Я не знаю, куда иду, просто ускоряюсь и бегу подальше отсюда.

“Домой.”

В голове его голос, он звучит куда яснее, чем если б Валериан кричал мне в ухо. Всего одно слово, наполненное сталью и неоспоримой силой.

“Домой.”

Тело отзывается непрекословно. Ноги сами разворачивают меня и возвращают обратно. Я вхожу внутрь, дрожа от холода и ярости бессилия. Он даже на расстоянии может командовать мной.

Алистер, не обращая на меня внимания, проходит мимо, не ругая, но будто понимая.

Вернувшись в комнату, я добавляю дров в камин и сажусь на пол, замотавшись в плед. Холодно.Но этот новый противоестественный холод не связан с морозом на улице, он идет изнутри и разрастается между ребер.

Через два часа я слышу звук мотора. За несколько километров. Я узнаю этот звук — машина Валериана. Я наблюдаю из окна, как он подъезжает к дому и заходит, неся несколько пакетов. Даже здесь, в комнате, я чувствую запах новых книг и цитрусовых, но пахнет чем-то еще… Чем-то стерильным и медицинским, что отсылает мою память к началу.

Валериан не поднимается ко мне, но и я не спускаюсь к нему.

Алистер не угадал со временем прибытия гостей, потому что ещё глубоко за обеденное время раздается мотор второй машины.

И я начинаю чувствовать это. Еле уловимое, сладкое, живое биение вдали. Человека. Есть ещё чей-то стук, но он напоминает мне одного из тех животных за окном, которые не столь привлекательны.

Сандра.

Голод, который я с таким трудом сдерживала последние сутки, прорывается, как плотина. Клыки выдвигаются полностью. Я рычу, вцепившись пальцами в косяк двери, смотря в сторону лестницы. От кровопролитного успокоения голода меня отделяют минуты.

Машина резко тормозит у дома. В нос бьёт страх и непонимание всего происходящего. Она растеряна? Напугана? Что с ней здесь произойдет?

Валериан резко сбивает меня с ног, когда я делаю первые шаги, готовясь бежать и нападать. Его лицо искажено не страхом, а холодной, яростной решимостью. Он не сказал мне сейчас ни слова. Почему он просто не приказал?

“Потому что голод сильнее нас самих.”

Он перекидывает меня через плечо, как мешок, и несет наверх, на третий этаж, в какую-то дальнюю комнату в левом крыле, которую я не успела изучить.

— Не выходи, — его голос тих, — не подходи к двери. Не пытайся слушать. Алистер! Не пускай Сандру в это крыло! Я принесу тебе кровь, это немного поможет.

Кровь? Боже… Только сейчас ко мне приходит осознание степени моего безумия.

Дверь захлопывается, но я не слышу щелчка замка. Подойдя, я кладу руку на ручку, нажимаю и даже открываю дверь. Но моё тело не может сделать ни шага за пределы комнаты.

Внизу звучат голоса. Рассерженный и отчитывающий Асмодея, но гостеприимный с Сандрой Алистер. Высокомерный, но смиренный Асмодей. Анализирующая и пытающаяся скрыть страх Сандра.

За каким-то чертом Алистер ведёт новую гостью наверх, показывая ей дом, но уводит в другое крыло.

“Он показывает ей дом, чтоб она сама не начала ходить по нему, как ты.”

В экскурсии Алистера есть смысл, но он теряется, когда мои десна снова сводит.

С голодом внутри я рассматриваю стакан, как залог моего утешения, но продолжаю бороться, не желая предавать свое решение.

Сандра там. В нескольких десятках метров. Ее сердцебиение отдается в моих висках пульсирующей болью. Ее запах просачивается сквозь стены и щели, разнося каждую мою попытку успокоиться в щепки.

Я жмурюсь, прижав ладони к ушам. Не помогает. Я слышу её лучше, чем собственные мысли.

Что-то внутри меня начинает меняться. Голод перестает быть просто желанием. Он превращается в единственный смысл моего существования.

Я не выдерживаю.

С громким, хриплым криком, в котором не осталось ничего человеческого, я поднимаю тяжелый дубовый стул и швыряю его в стену. Он разлетается вдребезги. Зеркало впивается осколками в стопы. Опрокинутый шкаф отдаётся гулким эхом от стен комнаты. Все, до чего я могу дотянуться, будет уничтожено.

Валериан вбегает в комнату и пытается остановить, но я не позволяю ему этого сделать.

Я крушу комнату, эту каменную клетку, свое тело, эту новую, отвратительную плоть, что требовала того, чего я не могла дать.

Слезы текут по лицу, смешиваясь с кровью от укушенных губ. Сквозь рёв в собственных ушах я слышу, но не узнаю свой крик. Это не просто просьба о помощи. Это мольба.

— УБЕЙ МЕНЯ! — вою я, разбивая кулаком последнюю сохранившуюся полку. — ПРОШУ, ВАЛЕРИАН! АЛИСТЕР! КТО УГОДНО! УБЕЙТЕ МЕНЯ! — я падаю на колени перед ним, цепляюсь за брюки, край свитера, тяну свои руки вверх, к нему, в громком крике своего отчаяния.

Алистер

Алистер



Поместье

Поместье



Глава 11. Яблочное зернышко

Тогда, 7м назад

Валериан

Зайдя в библиотеку, я утонул в густом, сладком воздухе. Это был один из теплых апрельских дней, когда солнце топило остатки снега. Весна была не только за стенами университета, она расцветала и в сердце Елены. С лёгкостью и улыбкой она делала замечания болтающим студентам, не ворча на них и не выгоняя после третьего предупреждения, как это было раньше.

Счастье витало в воздухе, а Елена пропитывала им все вокруг, как майское солнце, от которого пробивалась трава сквозь тротуар. Я протянул ей свой читательский и документ на получение старой рукописи и остался у стойки в ожидании, когда девушка вернется. Я не шевелился, боясь потревожить ореол плотного гормонального коктейля, который образовался вокруг рабочего места Елены.

Она положила рукописи передо мной и снова занялась своими делами, достав из выдвижного ящика кислую клюкву в сахаре. Раздавив ягоду на языке и поморщившись с довольным видом, Елена достала телефон и что-то быстро напечатала, спрятав его в карман. Я же продолжал стоять, будто чего-то ждал.

— Что-то забыл? — она подняла на меня глаза, блестевшие новым и неизведанным, — Валериан?

— Нет, спасибо, просто задумался.

Мне хотелось сказать “поздравляю” и это почти что вырвалось из моего рта, но я вовремя прикусил язык.

Она не говорила вслух и держала это в тайне, но я уже знал. Маленькое яблочное зернышко, что растет внутри ее чрева уже достаточно большое, чтоб стать ещё одним источником для её любви. Оно давало свои длинные ростки по венам Елены, наполняя их смесью гормонов, а её саму смыслом.

Каждый раз заходя в библиотеку, я напоминал себе, что она не моя и никогда не будет моей. У неё был мужчина, с которым она готовилась стать семьей, и чей запах оставался шлейфом на её волосах.

Только счастье это было не долгим.

Через три недели после после того, как я почуял перемены, ее не оказалось на рабочем месте. Я забеспокоился, что что-то случилось, и ненавязчиво узнал у коллег, где Елена. Два лишних выходных не оказались больницей, что успокоило меня.

Её лицо было припухшим как после вечерних слез, улыбка была вымученной и тяжелой, будто кто-то отнял у её право на радость. Яблочное зернышко стало больше и теперь я чувствовал и слышал биение его маленького сердца. На самом деле никакого сердца в привычном понимании там ещё не было, но его зачаток уже пульсировал, отмеряя время. Незаметно для окружающих Елена касалась своего живота, будто в самоутешении.

Мне не нужно было задавать вопросов, все было слишком очевидным. За ней больше не тянулся шлейф чужого одеколона и мускуса, зато она снова пахла своей квартирой и горькой примесью стресса. Я не мог оставаться просто наблюдателем, поэтому в один из вечеров принёс ей пакет со свежим инжиром и сушеной курагой. Она попыталась отказаться, но я настоял под предлогом, что меня самого угостили, а мне одному это не съесть и я боюсь, что фрукты испортятся. Она поблагодарила и вернулась к работе.

Несколько дней я наблюдал, как её рука то и дело опускается к низу живота, а после в воздухе возникает беспокойство. Мне пришлось пойти на крайние для себя меры и влезть в бухгалтерскую документацию, чтоб узнать уровень дохода Елены. Как я и полагал… Цифры подтвердили худшие опасения — на хорошего врача ей можно было не рассчитывать.

Мне пришлось позвонить Кристоферу, чья семья владела сетью клиник и занималась обеспечением кровью остальных. Почти в каждом крупном городе была их клиника и поставщик. Моя просьба была необычной для таких, как мы. Я потратил время на консультацию с врачом, которого мне посоветовал Кристофер, и взял визитку с контактами.

Не нарушая установившегося хрупкого спокойствия Елены, я молча оставил на её столе закрытый бумажный пакет с витаминами, когда девушка отошла от своего рабочего места. Она не знала, кто это был, потому что я не хотел её смущать и действовал скрытно. В какой-то степени я боялся, что она откажется под страхом отравления или чего-то еще, но видел, как, вскрыв пакет, она огляделась по сторонам и спрятала содержимое в свою сумку, а не выкинула в урну.

Под разными предлогами я помогал ей носить тяжёлое и приносил фрукты. Думаю, она догадывалась, что я знал, но делала вид, что не понимает моей излишней заботы.

Следующую упаковку витаминов я оставил на её столе так же скрытно, как и в прошлый раз. Фрукты — это просто милый жест, витамины — четкое нарушение рабочих отношений. Мы не говорили об этом вслух, но в один из дней Елена тихо сказала мне “спасибо”, протягивая том русской классики. Я лишь кивнул.

К концу учебного года я продолжал теребить в руках визитку врача, потому что не знал, нужна ли она вообще или Елена уже посещала клинику. Но, осмелившись, вместе с упаковкой голубики я протянул и маленький потертый клочок картона.

Елена внимательно прочитала данные врача и номер его телефона, а после развернула визитку другой стороной и подняла на меня взгляд.

— Она слишком дорогая, но спасибо, — она слабо улыбнулась, но убрала в карман, сделав вид, будто однажды все же собирается туда обратиться.

Это была одна из наших последних встреч, поэтому я не мог упустить шанс последней возможной заботы о ней. О них.

— Это клиника моего знакомого, он мне должен, но я никак не мог придумать способ возврата. Я буду…рад, если ты поможешь вернуть мне долг.

Сделав несколько шагов назад, я удалился с четким намерением больше не попадаться Елене на глаза. Я не хотел, чтоб она чувствовала себя должной и искала бы какой-то способ отплатить мне в рамках своих возможностей в последние рабочие дни. Но все же в моем кабинете оказался приготовленный Еленой вишнёвый тарт.

Это была её молчаливая благодарность, которую я мог принять.

Лето по-настоящему вступило в свои права сразу после июльских ливней. Воздух был горячим и плотным, он впитал и задерживал в себе все запахи проходящих людей, поэтому я избегал выхода на улицу в такую погоду. Мы не боимся солнца, а мне даже нравится его греющее кожу тепло.

Смешав кровь со льдом и газировкой, я сел в свое удобное кресло, которое перевожу с собой десятилетиями из города в город, как частичку постоянства. Это мой личный корабль Тесея. Несколько ремонтов и перетяжек уже не оставили в нем ни одной оригинальной детали, но оно все ещё было собой.

Телефон на столике завибрировал. Это была она.

— Да?

— Эмм… Валериан? — её голос слегка напряжен, — это Елена.

Я не удалял её номер, надеясь, что однажды она мне позвонит.

— Привет, все в порядке?

— Да, но…у меня странная просьба. Ладно, прости, это было глу…

— Я слушаю. Чем могу помочь?

— Проводишь…меня к врачу?

— Ты до сих пор там не была? — я знал, что она не ходила в клинику Кристофера, но не думал, что она откажется и от посещения других.

— Ну…мне было немного стыдно. Знаешь, не хочу видеть эти сожалеющие взгляды на будущую мать без сопровождения и записи о возможном отце в карточке.

— Ты вообще не ходила к врачу и не проверялась? — я ущипнул себя за переносицу. Нужно было взять этот вопрос на себя, — даже в обычну…

— Все, это правда было глупо. По…

— Стой, я схожу с тобой. Ты уже записалась?

— Приём завтра в 10:00.

— Заеду за тобой в 9:30.

— Спасибо, — тихое. А потом гудки.

Я был у её дома уже в 9:00, но стоял немного поодаль, чтоб не смущать и не торопить. В 9:25 она вышла на улицу и осмотрелась. Через минут моя машина была уже рядом. Поздоровавшись, осмотрел Елену и открыл ей дверь. Она похудела, живот ещё был плоским, но яблочная косточка внутри него росла и набиралась сил. Все было в порядке. Я знал.

— Ещё раз спасибо, — она теребила край своей сумки, смотря куда-то под ноги, будто в чем-то провинилась.

— Рад помочь, — это, наверное, звучало глупо, но я не знал, что мне ещё ответить.

В клинике пахло стерильностью. Заполни документы, мы поднялись на второй этаж и прошли по коридору до нужного кабинета. Мы не разговаривали и молча ждали, когда Елену позовут на прием.

— Мисс Мюррей? Проходите.

Елена встала со своего места, сделала шаг и остановилась.

— Ты пойде…

Не дожидаясь окончания вопроса, последовал за ней. Врач указала мне на стул рядом с кушеткой для пациентов. На стене напротив висел большой чёрный экран. Елена задрала футболку, освобождая живот и села на край кушетки.

— Мисс Мюррей, сначала нужно ответить на несколько вопросов и потом мы сделаем ультразвуковое исследование. Возраст?

— 26.

— Дата последней менструации.

Даже не смотря на Елену, я знал, что её щеки стали горячими и красными. Стыд кислой волной ударил мне в нос.

— Кхм, давайте я выйду и вернусь через несколько минут?

Не дожидаясь ответа, я вышел в коридор, но слышал все ответы на задаваемые вопросы, не потому что подслушивал, а потому что острый слух был одной из особенностей нашей породы. Но я не хотел смущать Елену.

Наконец тихие быстрые шаги и открытая дверь.

— Заходи.

Я снова сел на стул. Елена оголила живот и приспустила край лосин и белья. Мой взгляд был направлен куда угодно, только не на её оголённый живот. Несколько минут напряженной тишины, переключение кнопок, незаметный человеку скрип аппарата по гелю на животе.

— Ну, мисс Мюррей, все в порядке, — вздох облегчения, — хотите сами увидеть?

— А можно?

Экран напротив загорелся. Черно-белое изображение было зернистым и не показывало ничего понятного.

Снова скрин датчика по коже.

— Это голова, — мышка врача на экране очерчивает круг, — животик, вот пуповина, если приглядитесь, то сможете увидеть её во-о-т тут. Ручки, ножки.

— Это уже маленький человек… — голос наполненный восхищением, я повернулся на источник звука и увидел слезы. Елена протянула руку в поиске моей и я ей не отказал. Это не было романтическим жестом, ей просто нужно было с кем-то разделить свою радость.

— Итак, у вас бу…

— Ой, не надо, — улыбка стала шире, — пусть малыш устроит мне сюрприз.

— Конечно, — врач убирает датчик, — можете одеваться. Я пока напишу вам витамины и список анализов.

— А можно услышать сердцебиение?

Несколько секунд спустя мой барабанные перепонки начинают резонировать.

— Это наше с тобой сердцебиение, представляешь? — на миг, следуя её словам я представил, что она сказала это мне и улыбнулся несбыточной мечте. Елена вслушивалась в быстрый ритмичный звук из колок аппарата и наслаждалась им. Воздух изменился и наполнился нежностью.

Будет ли она против моей дальнейшей помощи, я не знал, но для себя решил, что буду рядом пока этого требует ситуация. Я не хотел навязываться, но и быть простым наблюдателем перестал по её же желанию. Я не мог позволить кому-то или чему-то лишить её этого и стать причиной её слез.

Глава 12. Градации ада

Сейчас

Елена

Тишина после моего крика была плотной и густой. Она впитала в себя обломки мебели, мою истерику и слова Алистера в ответ на безмолвный вопрос Сандры о том, что моё тяжелое обращение связано с неприятием происходящего.

Дальше были только приглушенные шаги, сместившиеся в другую часть дома, и затем — мерный гул голосов внизу. Алистер показывал Сандре свой сад и рассказывал о происхождении их рода. Вопросы, которые должна была задавать я, озвучивала она, но ответы мы получали вместе.

Из обрывков разговора внизу я улавливаю жуткие подробности. Вампиры были рождены человеческими матерями, но это было проклятием эволюции. Дети росли десятилетиями, питаясь кровью вместо молока. Я вспоминаю слова Валериана, что они, теперь уже мы, не бессмертны, и постепенно складываю обрывки информации в общую картину, которая никак не складывается.

Валериан все ещё здесь и наблюдает за моей теперь уже молчаливой истерикой. Он просто сидит в другом углу комнаты на полу, но я не понимаю, помогает ли мне его присутствие или наоборот делает только хуже. Но одно я знаю точно — принесенный им стакан с кровью становится все ярче на фоне остального. Мой взгляд будто выцепляет этот предмет, заставляя меня возвращаться к нему снова и снова.

Мой пленитель встает.

— Ужин. Я обязан на него прийти.

— Я не приглашена?

— Приглашена. Алистер, судя по звукам, поставил для тебя тарелку.

— Я не могу…

Ужин. Это странная игра в нормальность и гостеприимство, а я проблема, запертая в дальней комнате.

Я сижу спиной к двери, обхватив колени. Голод уже не просто буря, а постоянно давление, фоновый гул, заглушающий мои собственные мысли. Я могу различить запах каждого блюда внизу: жареное мясо, вино, несколько видов фруктов. И сквозь это — пульсирующий, чистый, невероятно живой аромат Сандры. Её сердцебиение это маяк, на который настраивается мой внутренний компас.

Шаги кого-то маленького по ступенькам. Мягкие, бархатистые, живые. Это…кот. Чем выше он поднимается, тем сильнее мой голод переключает внимание уже на него. Я перестаю подслушивать перепалку внизу. Быстрое сердцебиение звериной добычи становится единственной точкой в пространстве, набатом, приглашающим к обеду.

Дверь открывается. Валериан. В его руках поднос с обычной человеческой едой. Но её запах сейчас для меня пресный и безвкусный. Даже свернувшаяся сгустками кровь в стакане звучит куда соблазнительнее.

Он ставит поднос на единственный уцелевший табурет. Его взгляд скользит по разгромленной комнате, по моему лицу, с запекшейся кровью и слезами. В его глазах ни гнева, ни насмешки, лишь какое-то очередное жалкое сострадание и печаль, от которой меня уже тошнит.

— Ешь. Тебе нужны силы.

Силы. Для чего? Чтобы громче кричать?

— Как прошло семейное собрание? Уже выбрал комнату, с которой спрячешь меня на ближайшие несколько часов? Уже убрали оттуда мебель, чтоб я не нанесла лишнего ущерба?

Он молчит, лишь на мгновение задержав на мне взгляд, полный чего-то невысказанного. Затем разворачивается и уходит, чтоб вернуться и остаться по ту сторону двери. Зачем?

Я так и не притронулась к еде, превращая её в памятник своего сопротивления. Ночь прошла тяжело, принеся с собой не облегчение, а обострение всех чувств. Я слышала мурчание кота, молитву Сандры перед сном, чуяла запах её страха и помятого цветка, что ей дал Алистер.

Утро наступает слишком рано даже для этого дома. Прерывистый и чуткий сон Сандры заканчивается с первыми лучами солнца, запахом сваренного кофе и табачным дымом. Я выглядываю в окно, и смотрю на силуэт с сигатерой. Сандра поднимает голову вверх и мы несколько секунд наблюдаем друг за другом. Она для меня — плоть и жизнь. Я для неё кричащий призрак этого дома. Валериан закрывает остатками штор окно и уходит меня в другую комнату.

У Сандры есть возможность попрощаться со своей человечностью. Но ее тоска окутывает меня, словно моя собственная. Ее неприкрытое сомнение размазывается по стенам так же, как животное возбуждение Асмодея. Он может скрывать свое настроение под маской холода в своем голосе, который я слышала, но не может влиять на свое тело.

Все, кроме Валериана, уходят в сад. Асмодей спрашивает согласие Сандры, это правильно, но так лживо. Она соглашается. В последние мгновения во время броска Асмодея, её тело выкидывает ударную дозу адреналина, но её шея оказывается прокушенной, прервав попытку отказаться.

Я не вижу, но мои ощущения рисуют мне полную картину происходящего. Кровь льётся на пол, её запах смешивается с ароматом цветом, создавая неповторимую симфонию. Валериан срывается со своего места и быстро спускается по ступенькам вниз. Судя по звукам, он поднимает Сандру с пола и несёт её в одну из комнат, кладет на постель и закрывает шторы. Почему он ей помогает?

“Укус Асмодея это не спасение, а насилие. Я помогаю ей, потому что она не заслуживает того, что он с ней сделает.”

Укол ревности походит так же быстро, как и наступил.

Ближайшие несколько суток Валериан то дежурит у моей двери, приносит стаканы со свежей кровью или тарелки с человеческой едой, в надежде, что я поем, то ухаживает за Сандрой, прикладывая к её лбу прохладную влажную ткань, сквозь её бессознательность, он поит кровью, помогая её трансформации.

Самое отвратительное в этом всем — Асмодей. Он лишь наблюдает и выжидает, никак не помогая Сандре. Ее человеческий запах становится слабее, но не исчезает. Я спросила Валериана, как долго это будет, он ответил, что новообращенные ещё несколько недель могут быть и на вкус, и на запах как люди.

Я слышала, как Сандра бредила, звала кого-то, плакала. Слышала, как её тело перестраивалось и стонало. Слышала тихие, бессвязные мольбы. Я узнавала каждый звук. Это был мой собственный, невысказанный ужас. Я вторила её слезам своими. Она оплакивала свою человечность, а я оплакивала свое потерянное дитя.

Потом наступает тишина. Воздух пронзается любопытством, когда Сандра изучает свою новую реальность. Но миг её треумфа не долог.

Шаги, полные самовлюбленной уверенности, скрип двери, слова, наполненные ядом. Ткань рвется так же легко, как и рушится самообладание Сандры. Она продолжает бороться и сопротивляться, но её тело слушает уже другого хозяина.

Это не просто секс. Это животный акт установки власти, способ отнять последние куски воли и показать, кто теперь главный.

В воздух, пробиваясь сквозь стены и расстояния, поднимается не только запах страсти, но и смрад отчаяния, соли слёз и горькой, животной покорности. Ее тело предаёт её, когда мозг

все ещё пытается сохранить остатки разбитой личности. Асмодей овладевает ею на клеточном уровне.

И в этот момент, слушая этот беззвучный крик насилия, меня озаряет с такой ясностью, что перехватывает дыхание.

Валериан, со всей своей холодной строгостью, приказами и сделанным за меня выбором, ещё ни разу не воспользовался моей беспомощностью. Он переодевал меня, но его пальцы были быстрыми и безжизненными, а глаза полными невыносимой скорби. Он приносил кровь, но не требовал взамен ничего, кроме самого факта моего существования. Он сломал мой мир, но не трогал меня. В его диктате, в его отвратительной заботе была какая-то извращённая честь. Он был моим тюремщиком и мучителем, но не надзирателем-садистом. Он продолжал видеть во мне человека, а не способ удовлетворения своего эго.

В воздухе снова запах крови Санды. Асмодей кусает её в порыве страсти, наслаждаясь остаточным привкусом человеческой плоти. Стоны предавшего Сандру тела сменяются липким отвращением. Наступившую тишину разрывают её быстрые шаги. Но их перебивает низкий, самодовольный и сытый смех Асмодея.

Сандра сбегает. Шум, грохот распахнутой наружу двери, рёв мотора. Машина Асмодея, выхваченная из ночи, срывается с места, завывая на пределе.

Я подбегаю к своему маленькому окну и наблюдаю за скрывающимися за деревьями фарами.

Страшнее всего в этом была не ярость Асмодея, которая должна была его накрыть после побега, а хищное удовольствие. Он знает, что её свобода всего лишь иллюзия. Удавка, которую он набросил на шею, сейчас свободно скользит в тонких пальцах Сандры, чтобы потом, когда она устанет и почувствует себя в безопасности, яростно и окончательно затянется. Он дал ей побег, как часть извращенный игры, и возможность насладиться её надеждой перед тем, как её раздавить.

Я отшатываюсь от окна, сердце бешено колотится. Отчаяние подступает к горлу. Так выглядит настоящая ловушка. Не мои стены или команды Валериана. А иллюзия выбора, данная лишь для того, чтобы отчаяние было слаще. Глупо сравнивать две клетки, но в моей у меня хотя бы не отнимают голос.

Мой взгляд падает на очередной поднос. Запечённые овощи остыли, мясо подсохло, хлеб зачерствел. Зато шоколад, который я сама просила Валериана купить, не изменился. Я отламываю маленький кусочек и кладу на язык. Горечь какао заполоняет рот, заставляя пробудиться голод с новой силой. Окунув палец в стакан с кровью, рассматриваю его, изучая оттенки красного, нюхаю, пробую быстрым касанием языка.

Голод, острый и требовательный, сводит желудок. Но я не зверь, следующий за инстинктами. Мой голод это оружие против моей же человечности, и чем сильнее я с ним борюсь, тем сильнее он меня стирает как личность. Я должна уметь его контролировать, но для этого мне нужны силы. Как говорится, если хочешь победить — возглавь.

Кровь в стакане уже начала сворачиваться, поэтому я без особой надежды толкаю дверь и делаю шаг наружу. Тело поддается и я делаю ещё несколько шагов по коридору.

Спускаясь по последнему лестничному пролету, я встречаю внизу Алистера.

— Добро пожаловать, Елена.

Где Валериан?

Глава 13. Два сердцебиения

Несколько дней назад

Валериан

Этой ночью мне не спалось. Что-то в состоянии Елены меня тревожило. Она все так же гладила свой живот, наслаждалась беременностью и ела кислющие яблоки, от которых даже у меня сводило челюсть. Но что-то было не так.

Я сидел в своем кресле и анализировал последние ничем не примечательные дни.

Неожиданно телефон на тумбочке в спальне завибрировал, я поднялся с кресла и неспешным шагом пошёл за ним. Увидев имя на экране, меня резко окутало паникой. Это была Елена. Она не стала бы звонить мне в такое время просто так. Несмотря на все мои помощь и поддержку, она продолжала пытаться справляться самостоятельно, а значит я был её крайней мерой.

— Елена?

— Валериан, приезжай скорее, мне нужна помощь. С ребенком что-то случилось! — её тихий, но обеспокоенный голос был на грани отчаяния.

— Вызови скорую, скоро буду.

Я нашёл её в коридоре квартиры, сидящей на полу в луже собственной крови. Металлический запах заменил собой воздух и въедался в каждый сантиметр пространства.

Протянув ей руку, чтоб помочь встать, я получил отказ, но по ее просьбе пошёл собирать вещи ей и ребенку. Скорая была уже рядом. Я накинул куртку на плечи Елены, чтоб согреть. Воздух вибрировал её дрожью.

Ответив на короткий опрос врачей и протянув им визитку больницы, в которой должны пройти роды, я получил разрешение, аккуратно поднял Елену на руки и отнес к машине скорой помощи.

Запах крови туманил сознание. Густой. Плотный. Тревожащий самые низменные желания.

Уложив её на кушетку, сел в ногах у Елены. Она не заметила, но по какой-то, неизвестной мне самому причине, я поправлял носки на её лодыжках и гладил бледную кожу, считая секунды.

Машина затормозила.

Кушетку перевели в режим каталки и со всей доступной скоростью транспортировали в больницу.

— Мне страшно, Валериан, — я шел рядом с врачами, не желая оставлять её одну в этот момент. Но я должен.

— Страх не поможет. Сейчас важны лишь действия и твой настрой, — неудачная попытка подбодрить. Я не знал, что будет дальше с ней, с ребёнком и остальным миром в целом. Но она должна была верить в то, что все будет в порядке.

Её куртка осталась в моих руках. Лифт. Мне выдали халат, Кристофер постарался. УЗИ. И все еще позволили быть с ней рядом.

Единственное, что я услышал между двумя неритмичными биениями сердец, был голос врача и “нужно срочно оперировать”.

Плевать, что она назвала меня другом семьи, потому что на самом деле я никем большим и не являюсь. Я проводил каталку Елены до операционной и остался по эту сторону дверей в ожидании. Это было страшнее моего обращения. Сейчас я боялся не за себя, а за нее. За них.

Я слышал звон инструментов, звук первого разреза, бульканье крови и тихие выдохи Елены, стремительно уходящей в общий наркоз. И пока он не прошёл плацентарный барьер,

ребёнка извлекли из чрева. Но Елена сильная, она продолжала бороться в желании увидеть свое продолжение.

Несколько очередных слишком долгих секунд и первый крик.

— Девочка, — я услышал слова врача даже через двери.

Конечно, это девочка. У нее должна быть кожа Елены и такие же, как у нее, глаза.

Но вместо радости моё сердце пронзило тревогой. Пульс становился медленнее и тише.

— Давление падает!

— Готовьте плазму.

Один из медиков выбежал за препаратом, но я уже знал, что они не успеют помочь. Они видели показатели мониторов, делали все возможное, но не чувствовали того, что чувствовал я. Жизнь ускользала, быстро и стремительно покидая тело между угасающими ударами сердца.

В какой-то непривычной для себя суматохе и панике, я вырвал из стены несколько проводов и вбежал в операционную. Я должен был их как-то отвлечь, чтоб у меня было несколько мгновений для спасения Елены. В тот миг было не до правил, кодекса или охотников. Я просто знал, что должен сделать хоть что-то.

— Я её муж!

Они обернулись на мой голос.

— Её нужно стабилизировать!

Медбрат сделал шаг ко мне, отойдя от Елены. Хорошо.

Её давление падало, это плохо.

Медсестра отвлеклась на писк датчика, оставляя мне шанс для маневра.

Проскочив между этими двумя, упал на колени у операционного стола под крик анестезиолога и взял руку Елены, возможно, сильнее чем был должен.

— Держись, — я шептал ей, пытаясь успокоить, — они не успеют.

Зато я успел.

Вместо прощального поцелуя на бледной щеке, я оставил глубокий укус на её шее.

— Прости.

Её кровь на моих губах. В её глазах паника. Но новая жизнь уже потекла по венам.

Я сделал шаг назад и поднял руки, привлекая все внимание на себя и увеличивая пространство вокруг. Я не мог позволить себе нанести сопутствующий драке ущерб Елене. Мужская часть операционной бригады бросилась на меня, двое попытались заломать мне руки, но я растолкал их, не нанося им травм, но лишь немного обездвижив. Третий бросился, но был отброшен.

Медсестра с ребёнком уже убежала, попутно вызвав охрану. Я знал: они уже близко.

Взяв Елену на руки, быстрыми шагами преодолеваю лестничные пролеты. Два охранника. Сложно, но времени на подумать о стратегии не было. Одного мне пришлось толкнуть, и он оступился на ступеньках, проехался по ним и сломал ногу. Мимо второго мне удалось протиснуться, но пара его пуль попали в меня сзади. Плечо и левое легкое. Обе пули жгли и мне нужно будет серьезное восстановление, но Елена сейчас важнее.

Разбив локтем окно припаркованной машины, усадил девушку на пассажирское сиденье, а сам за руль. Я должен был действовать как можно быстрее, пока не приехала какая-нибудь группа захвата, а полиция не перекрыла дороги.

Это было неправильно, но так было быстрее. Резко припарковавшись у своего дома, я выбежал из машины. Наспех достал из морозилки и холодильника пакеты с кровью и несколько бутылок воды. Взглянув на окно, схватил свои пальто и куртку, для нее, взамен той, что осталась в больнице.

Бросив все на переднее сиденье своей машины, я перетащил Елену на задние, выжал сцепление и сорвался с места. Громче, чем мотор, были стоны. Сознание было в ужасе, а в

теле происходила борьба между жизнью и смертью. Я знал, кто победит, но не был уверен, что Елена будет этому рада.

Мы успели выехать за город, когда был объявлен план перехвата. До звонка от Кристофера оставались считанные секунды.

Позади меня стоны Елены, впереди рассвет над серой трассой и падающий снег. В кармане вибрация. Поставил сразу на громкую и кинул телефон на приборную панель.

— Вал?! Ты с ума сошел? Что мне делать с этим бардаком? Ты в курсе, что здесь сейчас происходит?!

— Я не мог иначе.

— А мне с этим что делать? Бо-о-оже, Валериан, ты же самый беспроблемный! Тихий отличник с задней парты!

— Просто помоги.

— Моя семья владельцы клиник, а не полицейские.

— Как будто никого из наших там нет…

— Ты хочешь, чтоб я взял на себя решение этого вопроса?

— Уладь с ребенком, с остальным я разберусь позже.

— И что я должен сделать?

— Оформи Елене и девочке перевод в другую больницу. Я пришлю тебе адрес, мы будем в нескольких часа езды оттуда.

— Ты представляешь, сколько будет стоить транспортировка новорожденного? Этот долг ты не оплатишь деньгами.

— Я понял. Спасибо.

Гудки. Это было просто. Сложное оставалось впереди.

Я предполагал, что материнский инстинкт Елены не позволит ей оставаться на месте и она пойдёт к ребенку, зная, что он жив, но и солгать, что это не так, я не мог. Такая ложь убила бы ее. Каждый последующий шаг был глупее предыдущего. Я принял чудовищное, эгоистичное решение: буду тянуть время. Сначала она должна научиться быть вампиром, только после этого я смогу её подпустить к младенцу. И хоть я знал, что ни одна мать не позволит себе нанести вред ребенку, но в новообращенных мало человеческого. Лишь неконтролируемый голод, затмевающий все остальное.

Преодолев несколько сотен километров на предельной скорости и двумя дозаправками, вытирая рвоту Елены и отпаивая её смешанной с водой кровью, я практически забыл о своих ранах. Наконец наша дорога прекратилась.

Как только Елена оказалась босиком на снегу, она попробовала убежать. Это было её неприкрытое отчаяние. Не смотря на всю борьбу, она продолжала хранить доверие ко мне где-то в глубине своей души, оставляя свои слезы на моей груди.

Что-то в ней изменилось, когда Сандра сбежала, но я этого не застал. Мне пришлось уехать в город по делам, о которых я не мог никому рассказать, но все, кроме Елены, уже понимали.

Я возвращаюсь домой за полночь, надеясь, что Елена уже спит. Я не ошибся. Последние несколько суток вымотали и истощили её настолько, что она принимает единственное верное для себя решение — принять свою новую природу и начать бороться.

Я стою над её постелью, в той самой комнате, где она ночевала первые дни. Ее сон только сейчас можно попытаться назвать спокойным. На прикроватной тумбочке — опустошенный стакан из-под крови. Сорочка аккуратно сложена на краю кровати. Вместо неё большая футболка. Волосы пахнут шампунем.

Я провожу ладонью по мягким локонам и поправляю одеяло, помешиваю угли в камине и ухожу, оставив её отдыхать. Мне больше не нужно пытаться ей помочь без её согласия, теперь она может начать справляться самостоятельно.

Глава 14. Ноэль

Сейчас

Елена

Когда Валериан встречает меня утром на кухне, то не задаёт никаких вопросов, лишь пальцем двигает наполненный стакан в мою сторону. Я поднимаю его, но не пью, выжидая, когда Валериан отвернется, уйдёт или просто перестанет так пристально смотреть. Наконец, он отвлекается на свой телефон, а я делаю несколько бы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.